

РАССКАЗЫ

МЫ, НАРОД...

— Манайская? — спросил майор, прищурившись на желтую этикетку.

— Манайская, — слабым, как у чумного, голосом подтвердил Пиля. Он примирительно улыбнулся. — Где другую возьмешь? Автолавка у нас когда в последний раз приезжала?..

— А говорят, что если манайскую водку пить, сам превратишься в манайца, — сказал студент. Ему мешал камешек, впивающийся в отставленный локоть. Студент нашарил его пальцами, выковырял из дерна и лениво отбросил. Теперь под локтем ощущалась слабая пустота, уходящая, как казалось, в земные недра. Оттуда даже тянуло холодом.

Он передвинулся.

Пиля вроде бы обрадовался передышке.

— Чего-чего? — спросил он, как клоун, скривив тряпочную половину лица. — Чтобы от водки — в манайца? Сроду такого не было! Ты хоть на меня посмотри... Вот если колбасу их синюю жрать, огурцы, картошку манайскую, кашу их — тьфу, пакость, — как твоя Федосья, три раза в день трескаться...

— И что тогда?

— Тогда еще — неизвестно...

Он отдышался, поплотнее прижал бутылку к груди, скривил вторую половину лица, так что оно приобрело зверское выражение, свободной рукой обхватил пробку, залитую желтой фольгой, и крутанул — раз, другой, третий, с шумом выдыхая накопленный в груди воздух.

Ничего не помогало. Пальцы лишь скользнули по укупорке, как будто она была намазана маслом.

— Дай сюда, — грубовато сказал майор.

Это был крепкий, точно из железного мяса, мужик, лет сорока, судя по пятнистому комбинезону, так внутренне и не расставшийся с армией, совершенно лысый, не бритый, а именно лысый — гладкая кожа на черепе блестела, как лакированная, лишь щепоть жестких усов под носом, которую он иногда, забываясь, пощипывал, непреложно доказывала, что волос у него расти все-таки может. Чувствовалось также, что делает он все основательно. Вот и теперь, он, не говоря лишнего слова, забрал у Пили бутылку, без малейших усилий свинтил тремя пальцами тускло-лимонную жестяную пробку, поставил перед каждым толстый стакан — твердо, уверенно, как будто врезал на сантиметр в травянистый дерн, взвесил бутылку в руках и, прищурясь, видимо, чтобы взгляд не обманывал, разлил в каждый ровно по семьдесят грамм.

Его можно было не проверять.

— Вот так.

Все уважительно помолчали. И только студент, если, конечно, правильно называть студентом кандидата наук, человека двадцати восьми лет от роду, четыре года уже старшего научного сотрудника отделения реставрации Института истории, полусутоливо-полусерьезно сказал:

— Сопьюсь я тут с вами...

Майор будто ждал этого высказывания. Он повернулся к студенту — всем корпусом, с места тем не менее не вставая, и вытянул, будто собираясь стрелять, твердый, как штырь, указательный палец.

— А потому что меру надо во всем знать, товарищ старший лейтенант запаса!.. У нас в училище подполковник Дроздов так говорил. Построит нас на плацу, после праздников и выходных, сам — начищенный, морда — во, фуражку подходящую для него не найти, и говорит так, что полгорода слышит: Тов-варищи будущие офицеры!.. Есть сведения, что некоторые из вас злоупотребляют. Тов-варищи будущие офицеры!.. Ну — не будем, как дети! Все пьют, конечно. Ну — я пью. Ну — вы пьете... Но, тов-варищи будущие офицеры! Выпил свои пол-литра, ну — оглянись!..

Он обвел всех ясным немигающим взглядом. Выдернул из земли стакан, и остальные тоже, точно по команде, подняли.

— Ну, за то, чтобы вовремя оглянуться!.. За единство и равенство всех социальных сословий!.. Крестьянства, — он поглядел на Пилю, который немедленно приосанился. — Рабочего класса, — Кабан одобрительно хрюкнул. — Нашей российской интеллигенции, — взгляд в сторону терпеливо ожидающего студента. — И российской армии, которая была и будет советской!.. Чтобы никакой дряни на нашей родной земле!..

С этими словами майор, видимо, еще раньше высмотрев то, что ему мешало, двумя пальцами выщипнул из горячего дерна кривоватую маленькую «желтуху» — не распустившуюся пока, всего с четырьмя яркими листиками, взбирающимися по стеблю, и, брезгливо покачав ею две-три секунды, отбросил росточек в сторону.

Все посмотрели, как он упал среди трав.

— Прирастет, — жизнерадостно сказал Пиля.

И действительно, «желтуха» лишь мгновение лежала поверх елочек кукушкина льна, а потом, как червяк, изогнулась и просунула тоненький корешок вниз, к влаге, к земле.

Тогда майор, побагровев всем лицом, снова нагнулся, взял «желтуху» за усик, точно какое-то насекомое, и перебросил ее на каменную тропу, которая спускалась к дороге.

— Не прирастет теперь!..

Попав на каменное изложье, «желтуха» вновь судорожно изогнулась, повела нитчатым корешком вправо-влево, ища, за что закрепиться, не нашла и, вероятно, исчерпав силы, замерла под утренним солнцем. Листья ее вдруг обмякли, стебель прильнул к вытопанной земле. Миг — и она расплылась в мутную узкую лужицу, которая, на глазах высыхая, неразличимой лимонной корочкой прильнула к песку и кремню.

Студент, хоть уже не раз видел такое, замотал головой.

Пиля — поежился.

Даже Кабан как-то негромко хрюкнул.

— З-зараза, — сказал майор с чувством. — Ну, ничего. Праздника они нам не испортят...

Первая прошла как всегда. Студенту она легла внутрь едкой пахучей тяжестью, готовой от любого движения вскиннуться и выплеснуться через горло наружу. Пилю вообще передернуло: выбросило вперед руку и ногу, как будто они сорвались со стопора. Он так и повалился на землю. Даже майор не выдержал — сморщился, сдавленно жмекнул, осторожно втянул воздух ноздрями. Сощурился так, что глаза его превратились в темные прорези. Стакан он, впрочем, вернул точно на место. И только Кабан был словно из дерева: запрокинул голову, спокойно вылил свои

семьдесят грамм в жаркий рот, пожевал язык, кивнул несоразмерно большой, в твердых выступах головой и выдохнул одно слово:

— Нормально...

Ничего другого от него никто никогда не слышал.

С пригорка, где они расположились, была хорошо видна вся деревня: десятка полтора изб, окруженных покосившимися заборами; причем выломанные пролеты их кое-где уже повалились, и перейти с одного двора на другой не составляло труда. Не лучше, впрочем, выглядели и избы — тоже перекосившиеся, вросшие хотя бы одним углом в бугристую землю; походили они на корни сгнивших зубов, в беспорядке торчащие из омертвевающих десен. Впечатление усиливали сизые от дождей струпья на бревнах и провалы крыш, кое-как залатанные жестью или фанерой. Толку от такого ремонта было немного. В Федосьином доме, скажем, где студент обитал, сполз целый угол, защищающий дальнюю комнату, при дожде на вытертых половицах образовывались настоящие лужи, а потом они просачивались в подвал и превращали земляной пол его в жидкую грязь. Хотя в подвал Федосья уже давно не заглядывала. — И что мне тама, милый, хранить?.. Нечего мне тама хранить... — В доме из-за этого чувствовалась неприятная сырость.

Тем сильнее выделялись средь запустения фазенды манайцев. Несмотря на обилие травяного пространства, манайцы предпочитали строиться поближе друг к другу. Сказывалась ли в том боязнь перед непредсказуемостью местного населения или, действительно, как рассказывали, в самом Манае свободной земли уже почти не осталось, с чего бы иначе манайцы тронулись с места, но только игрушечные, всего в одно окно домики, больше похожие на собачьи будки, тесно-тесно лепились друг к другу, образуя посередине деревни единый массив. Набраны они были из тоненьких планочек, связанных между собой ветками ивы, и потому издали казались сделанными из бамбука. Непонятно было, как там манайцы помещались внутри. Хотя — что манайцу? Ни жены, ни детей у него не имеется. Бросил на пол циновку, сплетенную из травы, и ложись. Неизвестно, впрочем, есть ли там даже циновки. К себе, внутрь поселка, манайцы никого из местных не звали. А просто так, без приглашения, тоже не попадешь: по всей границе поселка, как изгородь, отделяющая свое от чужого, тянула вверх листья багровая манайская «лебеда». И хоть выглядела она, на первый взгляд, вполне безобидно: те же зубчатые, гладкие листья, только почему-то темно-вишневого цвета, однако даже прикасаться к ней было опасно. Студента предупредили об этом в первый же день. Уже через минуту почувствуешь на коже сильное жжение, а через час вся ладонь будет обметана громадными волдырями. Кожа потом слезет с нее, как перчатка. Самим же манайцам, видимо, никакого вреда. Шастают туда и сюда, не обращая внимания. Жаль, конечно. Студенту очень хотелось бы рассмотреть поближе манайские огороды: диковинные, хрупкие на вид конусы, сквозь плетенку которых свешиваются громадные ярко-синие вытянутые плоды. Местные жители называют их «огурцами». Там же — крепкие «тыковки», размерами не больше детского кулака, и совсем уже ни на что не похожие мягкие сиреневые «метелки», осыпанные продолговатыми семенами. Внутри каждого семени — сладкая мякоть; говорят, съешь такую — взрослому человеку хватает на весь день.

И вот что самое удивительное. Речка от манайского поселения довольно-таки далеко, здесь она как раз делает изгиб в сторону леса, землю, когда манайцев селили, выделили тоже, конечно, не самую лучшую, прямо скажем — песок, глина, россыпи валунов, высывающихся из почвы каменными залысинами, ничего на такой земле, казалось бы, расти не должно, а вот, пожалуйста, полюбуйтесь, чуть ли не настоящие джунгли. На участке у Пили, который всего лишь через дорогу, три-четыре квелых грядки картофеля, расплзшиеся до корней, непонятно, что Пили соберет с них на зиму, а тут — буйство зелени, красок, изобилие рвущейся к жизни растительности. Правда, манайцы и относятся к этому иначе, чем Пили:

где-то уже с пяти утра носят воду с реки в маленьких серебристых ведерках, непрерывно что-то окучивают внутри огородов, постригают, подвешивают, одни ветки направляют сюда, другие вытаскивают наружу, чтобы впитали летнее солнце. Островерхие соломенные панамки то и дело высовываются из листьев.

А где Пиля? Пиля — вот, вытянулся на пригорке, хрукает водянистой зеленью огурца. И ведь рожа — довольная, расплывающаяся, ничего больше Пиле не надо.

— Пиля, — прикладывая от света ладонь к бровям, поинтересовался студент.
— А что это манайцы с твоего огорода колесо покатали?

Все повернули головы в ту сторону.

Пилин участок отличался от всех других тем, что прямо посередине его, загораживая проход к избе, склеванный угол которой был, по традиции, подперт двумя колыями, возвышалось громадное, вкопанное примерно на треть железное колесо, выпирающее изнутри ржавыми ребрами. Откуда оно там появилось, известно никому не было. Говорили, что дед Пили прикатил его еще в конце гражданской войны, чуть ли не отвинтив с паровоза самого товарища Троцкого, и вместе с сыновьями водрузил на подворье — вроде как знак того, что теперь начнется новая жизнь.

А может быть, все было совершенно иначе.

Только представить себе Пилин участок без колеса было нельзя.

Такая местная достопримечательность.

И вот теперь пять или шесть манайцев, отсюда не разглядеть, копошились вокруг него, сгибаясь и подкапывая что-то маленькими лопаточками — вдруг облепили, как ушлые муравьи, все враз, и медленно, явно опасаясь железной тяжести, покатали куда-то в сторону речки.

Утопить, что ли, задумали.

— Действительно, покатали... — сказал майор.

Теперь все посмотрели на Пилю. Под этими взглядами Пиля первоначально смутился, но все-таки дожевал огурец, проглотил его, так что длинно прошел по хрящеватому горлу вниз-вверх острый кадык, а затем безнадежно махнул рукой:

— А... пропадай теперь все...

Тогда майор сел на колени и отчетливо, точно вбил, прихлопнул по ним широкими растопыренными ладонями.

— Так... — невыразительным голосом сказал он. — А я все думаю, откуда это у Пили бутылка взялась? Вроде бы неоткуда взять Пиле бутылку... Так ты что это, гад, выходит, Родину за бутылку продал?..

Наступила неприятная тишина. Слышен был только треск кузнечиков, вылетающий из травы, да еще снизу, от притихшей деревни, тоненькими призрачными паутинками допархивали мяукающие голоса манайцев.

Словно попискивали котята.

— Судить тебя будем народным судом, — сказал, наконец, майор. Не отводя глаз от Пили, который, казалось, забыл дышать, он протянул руку вбок, пошарил ею под стелющимися по земле лопухами и, почти сразу же нащупав, вытащил из густой их тени продолговатый предмет, тщательно завернутый в тряпку, напоминающую бывшую скатерть. Как-то особенно тряхнул ее, дернул, и в руке его оказался автомат с выгнутым чуть вперед, ребристым рожком.

— Становись вон туда!..

Пиля, как во сне, встал и сделал два шага назад — к низкой иве, вывернувшей от жары замшевую изнанку листьев.

— Не я ж первый... — опомнившись, пробормотал он.

Майор его будто не слышал.

— Будем тебя судить от имени Российского государства... За предательство, за крысиную трусость... За сдачу родной земли торжествующему противнику!..

Он передернул затвор.

На шутку это больше не походило. Майор был весь — как пружина, которая сейчас распрямится. Студент вдруг понял, что еще секунда-другая — раздастся очередь, рубашку Пили перечеркнут кровавые дырочки; он согнется, схватится за живот, повалится мятым лицом в переплетение дерна.

Уже никогда больше не встанет.

— Товарищ майор!!! Василий Игнатьевич!.. Вася!.. — Руки сами вцепились в ствол автомата и пригнули его к земле.

— Ты — что?..

— От-ставить!..

Это подал голос Кабан.

Майор мгновение бешено смотрел на него, а потом сразу будто обмяк — опустил автомат, сел, бросил его на тряпку.

Сказал ровным голосом:

— Приведение приговора откладывается на неопределенное время...

Пиля тем временем лихорадочно разливал остатки. Бросил пустую бутылку и втиснул майору стакан в сведенные пальцы.

— Скорее, Вася, скорее...

На траву упала длинная тень.

Высокий тощий манаец, облитый эластичным трико, так что коричневая ткань, казалась, выростала из кожи, от уха до уха растянул бледные губы.

Видимо, это означало приветствие.

— Холосо? — спросил он кошачьим голосом.

Майор скрипнул зубами. А Пиля, сидящий на корточках, тоже растянул резиновые бледные губы.

— Холосо, все холосо. Иди отсюда...

Мгновение манаец, не меняя выражения улыбчивого лица, смотрел то на майора, то на него, что было заметно по изменению блеска под веками, а потом отвернулся и, не говоря больше ни слова, начал спускаться по тропинке к деревне.

— Вот с кого начинать надо, — сказал майор. — Вот с кого... И начнем, придет наше время...

Пиля тут же переместился, так чтобы заслонить собой коричневую фигуру, обеими руками обнял пальцы майора, сжимающие стакан, и, как ребенку, ласково придвинул его край ко рту.

— Ты пей, пей, Вася. Главное — выпей... — заботливо сказал он.

Некоторое время они без интереса смотрели, как манайцы опустошают Пилин участок. Сначала был разобран забор, причем не просто разломан, а с нечеловеческой тщательностью разъят на отдельные досочки. Досочки эти были уложены четырехугольными колодцами на просушку: манайцы иногда зажигали внутри своих огородов небольшие костры, и дым, поднимаясь вверх, окутывал «джунгли» непроницаемым одеялом. Затем они сдернули дранку с крыши, которая, впрочем, едва ее тронули, начала осыпаться сама, прогнила, наверное, до трухи за последние десятилетия. Пиля-то когда еще чинил свою крышу. Пиля, если честно, лет двадцать пальцем к ней не притрагивался. Дранка тоже была собрана в аккуратные штабельки. А потом манайцы, изгибаясь, как гусеницы, словно кости у них были не твердые, а резиновые, начали снимать с избы венец за венцом, тут же распиливать на принесенных с собою кургузых козлах, слышен был утомительный звук «вжик-вжик-вжик», а короткие деревянные плахи, которые из этого получались — тук-тук-тук — сразу же расщеплять топориками. Прошло, видимо, не более часа, и на подворье, опустевшем, как после нападения саранчи, остались лишь камни, обозначающие бывший фундамент, и довольно неглубокая яма, ранее бывшая Пилиным погребом. Камни манайцы, впрочем, тоже выворотили, яму же забросали мусором и принесенной с ближайшего пригорка землей. И студент вяло подумал,

что вот на следующий год взойдут на этой земле сорняки, потом отомрут осенью, весной взойдут снова, года через три — через четыре никто уже и не вспомнит, что здесь когда-то стоял Пилин дом. Как не помнят о тех домах, которые были разобраны в прошлом году и в позапрошлом, и годом ранее. Ведь сорок пять изб стояло в деревне, если верить майору. А сколько теперь осталось? Всего ничего. Если, конечно, считать за избу двухэтажный барак правления, который манайцы почему-то не трогают.

Да и кому будет помнить? Тем древним старухам, что высыпали сейчас на улицу, каждая у своей калитки, и, точно идола, сложив на животе руки, молча наблюдают за происходящим.

Может быть, к следующему лету этих старух тоже уже не будет.

И еще студент с легкой тоской подумал, что за две недели, проведенных в деревне, он так ничего и не сделал. Ну, конечно, сфотографировал здешнюю церковь во всех ракурсах, ну, конечно, внес в табличку параметры некоторых обмеров. Скоро можно будет писать акт о техническом состоянии. То есть, если отчитываться, то какая-то работа произведена. Но ведь неизвестно еще, что получилось из фотографий. Надо бы добраться до города, найти мастерскую, сделать пробные отпечатки. Сколько раз уже было, что половина из них идет в мусор. Отпечатки следует проверять, любой первокурсник знает. Только ведь до города — семь верст пехом. И к тому же солнце, как проклятое, всю дорогу будет светить в глаза. Туда — утреннее, горячее, от которого не укроешься, обратно — вечернее, красное, однако не утомительное. Главное же — кому и зачем это нужно? Ну, закончит он техническое описание, ну, приложит к нему фотографии, панорамные даже, если, конечно, удастся грамотно склеить. Ну, поставят потом на полку с «культурным наследием». Лет через тридцать кто-нибудь случайно откроет, перелистает страницы. Ни от церквушки этой, ни от деревни уже и названия не останется.

— Неужели ничего нельзя сделать? — ни к кому особо не обращаясь, спросил он. — Городские, что ж, ваши не хотят взять эту землю? Места-то какие — лес, речка, грибы, ягоды...

— Городским асфальт нужен, — сказал Пиля, дожевывающий очередной огурец. Насколько можно было судить, питался он исключительно этим овощем. Другого, во всяком случае, студент у него не видел. — Дорога чтобы проведена была, электричество чтобы — горело. Кто тут будет по нашему проселку ломаться?..

— У городских под городом земли — мордой ешь, — заметил майор. — Ту еще который год освоить не могут. Мэр себе особняк отгрохал на три этажа. Еще пара коттеджей — с бассейнами, между прочим, гады, возводят... Ну, там — огородничества, садоводства, конечно, всякие... Хрен с ним, тут копать требуется с другого места. Вот сидит в мэрии, в аппарате, какая-то кучерявая с-сука и штемпелюет им всем справки о временном проживании. Никаких законов не нарушают. У каждого манайца — справка, что он тут временно обитает. Попробуй его потом отсюда выковырять. Справка у него есть? Есть! Налоги платит? Какие надо и какие не надо! С Пили-то, например, что возьмешь? А у губернатора заместители — знаешь кто? Два манайца... Оказывается, коренная народность нашего региона. Вот увидишь, и губернатор на следующих выборах тоже будет манаец. Хотя для вида, конечно, могут назначить и русского. Все равно, против манайцев никто слова не скажет. А вот Дубровки и Озерцы, — майор потыкал пальцем вправо и влево, — уже пустые стоят, ни одного русского человека... Нет, тут, ребята, другой подход нужен...

Насчет подхода он, правда, объяснить не успел. За тушей барака, за взметающими многолиственным боярышником, который скрывал собою чахлую площадь перед правлением, возник низкий рык, как будто проснулся зверь, дремавший с сотворения мира, и далее выбрался в поле зрения старенький мордастый грузовичок,

вплоть до кабины заваленный нагромождением скарба. Пополз, пополз по дороге, вскарабкиваясь на пригорок, глазастый, как жук, упорно переваливаясь на ухабах. До самого пригорка, впрочем, он добраться не смог: дорога здесь расширялась и несколько проседала, образуя громадную лужу. Причем, хоть за последние две недели и не выпало ни единой капли дождя, она ничуть не уменьшилась — все тем же грязевым толстым зеркалом отсвечивала с пригорка. Объехать ее было нельзя. С одной стороны пролегал длинный скат, где грузовик, да еще тяжелый, несомненно, перевернулся бы, с другой — высовывались из земли лысые валуны, и были они таких размеров, какие не одолеть даже на танке. Все с любопытством наблюдали, что будет. Водитель, конечно, приблизившись к луже, заранее переключил скорость на первую, взял влево как можно сильнее, так что горбатые шины взвизгнули, проехав по камню, но этого, видимо, было все-таки недостаточно, где-то посередине машина дернулась и просела сразу сантиметров на десять; задние колеса вращались, выбрасывая жидкую грязь, однако с каждым безнадежным рывком погружались все глубже и глубже. Мотор наконец заглох. Из кабины, придерживаясь рукой за дверцу, прыгнул в черную топь всклокоченный потный мужик, одетый, несмотря на жару, в теплые штаны, ватник, фуфайку. Он сумрачно посмотрел на майора, который этот взгляд игнорировал, на Пилю, замершего с огурцом, не донесенным до рта, на студента, на равнодушного Кабана, ничего не сказал, как будто на пригорке никого не было, приволакивая в грязи сапоги, обогнул машину и также сумрачно уставился на колесо, выше оси утонувшее в комковатой жиже. Сверху, ранее невидимая из-за серванта, перегнулась девка в спортивной кепочке, охватывающей голову до ушей, и раздраженно спросила:

— Ну что, папаша?

— Сели, — мрачно подытожил мужик.

— Вот, я вам говорила, папаша, верхней дорогой — лучше. Нет, вам всегда надо по-своему...

— Помолчи, — мрачно сказал мужик.

— Всегда — в самую грязь...

— Помолчи!

Мужик судорожно вдохнул и выдохнул. Точно воздух, который попал ему внутрь, обжег легкие.

— Подтолкнуть? — быстро спросил студент.

— Не надо, — сказал майор таким голосом, что студент сразу же опустил ся обратно.

Крепко сжал пальцы, чтобы больше не вмешиваться.

А сам майор, переместившись чуть-чуть на локтях, обозрел всю картину и с опасной приветливостью поинтересовался:

— Уезжаешь, Федор?

— Уезжаю, — не поворачивая головы, ответил мужик.

— Насовсем уезжаешь?

— Выходит, что — насовсем...

— Ну и желаем успехов на новом месте трудоустройства!.. — радостно прокричал Пиля. — Не забывайте, пишите!.. Счастья вам в личной жизни!..

На этот раз мужик обернулся. И хоть ничего не ответил, но Пиля в ту же секунду выронил недоеденный огурец — попятился, споткнулся о камень, с размаху сел, ужасно расставив острые переломы коленей, и так, не вставая, помогая себе руками, начал мелко-мелко, как гусеница, отползать к дощатому углу церкви.

Мужик между тем, с трудом переставляя в грязи сапоги, вернулся к кабине, вскарабкался на подножку, едва выдающуюся над водной поверхностью, весомо потопал по ней, чтобы стекли самые комья, а потом вновь уселся за руль и включил мотор.

Студент не заметил, что у лужи скопилось уже десять или двенадцать манайцев. Они подошли так тихо, что он ничего не слышал. Как будто вместо ботинок были у них кошачьи лапы. Вдруг все, будто по неслышному свистку, шагнули вперед и прильнули к машине тощими коричневыми телами. Мотор взревел так, что, казалось, сейчас надорвется, борт хлипкого грузовика качнулся из стороны в сторону, чуть не вывернув вещи, чавкнули выдирающиеся из топи колеса, и в образовавшийся на мгновение узкий провал хлынула земляная вода.

Машина, оставляя следы, выползла на дорогу.

Однако перед тем, как дверца кабины с треском захлопнулась, из нее высунулась рука в задранным рукаве ватника и поставила на кремнистую насыпь бутылку с желтой наклейкой.

Пиля во мгновение ока очутился между нею и грузовиком. Сначала посмотрел на бутылку и даже вскинул ладони, пальцы на которых восторженно зашевелились, затем посмотрел на машину, удаляющуюся в сторону леса. Опять — на бутылку. Опять — на удаляющуюся машину. Чувствовалось, что в душе его происходит отчаянная борьба. Разум все-таки победил. Пиля, как петух, которому наподдали, подскочил на месте и, придержав штаны, побежал по грунтовке.

— Эй-эй!.. Меня захватите!..

Видно было, как он отчаянно заскочил на подножку, чуть не сорвался от спешки, вцепился в дверцу, чтоб укрепиться, растопырил кривоватые ноги и, вероятно, почувствовав себя немного увереннее, почти до пояса втиснулся в боковое окно.

— С-сука, — нейтральным голосом сказал майор.

Кабан по обыкновению промолчал.

Грузовичок свернул и исчез за плотными елями.

Мелькнул еще кусочек борта — и все.

Студент лишь тогда почувствовал, как ноют у него сведенные напряжением пальцы.

Сперва выпили за упокой души раба божьего Федора, чтобы на новом месте у него действительно все было в порядке, затем — за упокой души раба божьего Пили, чтоб, где б он ни лег, земля бы везде была ему пухом. Студент, правда, усомнился, что за упокой души можно пить, если человек еще жив, но майор на него только коротко посмотрел, Кабан хрюкнул, и противная теплая водка сама полилась в горло.

— Для нас уехал — все равно что умер, — ставя на место стакан, объяснил майор. Он с хрустом переломил крупный пупырчатый огурец, одну половину сунул в руки студенту, а от другой откусил так, что вылетели изнутри брызги семечек. — Да... А ведь еще три года назад жили не хуже других. Магазин работал, девки туда-сюда шастали, каждый праздник — обязательно мордобой... Крепкая была деревня... Церковь вот собирались восстановить. — Майор дернул лысым затылком назад, где за спиной его, на вершине пригорка, словно напоминая о том, чего больше не будет, сквозила дырчатыми куполами церковь, сходящая от времени и непогоды. Заворачивались чешуйки краски на стенах. Серые доски отслаивали от мякоти лохмотья волокон. Через открытую дверь виден был земляной пол, трещины на штукатурке. — И никаких манайцев тогда духу не было. Помнишь, Кабан?.. Киргиз один жил, это еще из прежних переселенцев, латыш Палкис с Алдоней, ну, латыши — они все равно что русские. Про Жменю из Белоруссии я уже и не говорю. Слышишь, Кабан?.. Никто ничем перед другими не выставлялся...

Он прищурился.

Кабан неопределенно хрюкнул.

— Дела-то всего — взять две роты, — вдумчиво сказал майор, — оцепить деревню, чтобы ни одна сволочь не выбралась, час — на сборы, всех в товарняки, пуская укатывают в свой Манай. Небось потом не вернуться.

— Угу, — высказал Кабан свою точку зрения.

Они помолчали.

— Вы лужу почему не засыплете? — спросил студент. — Сейчас лето, и то к вам не доберешься, сломаешься... А если осенью?.. А весной?..

Майор с досадой рубанул ладонью по воздуху.

— Хрен с ней, с лужей!.. Кому надо, проедет... А вот две роты сюда, и чтоб ребята такие, которые с манайцами уже дело имели. Чтоб ни секунды не сомневались... Слышишь, Кабан?..

Манайцы тем временем выползли со своих огородов и по два-три человека стягивались на площадку у бывшего магазина. Стоптана она была до беловатого грунта. Пара бетонных скамеек обозначала автобусную остановку. Манайцы, плотно прижимаясь плечами, выстроились на площадке в громадный круг, подняли к небу ладони с костлявыми, растопыренными, очень тонкими пальцами, запрокинули головы, так что чудом не послетали с них соломенные панамки, и вдруг разом начали приседать, разводя и сводя жилистые колени. Одновременно они тоненько запищали; причем писк с каждой минутой усиливался, словно перемещали рычажок громкости, истончался, вытягивался, бледнел, перебираясь в какие-то уже запретельные области диапазона, сверлил уши, пронизывал, казалось, каждую клеточку, превращался в невыносимый, закручивающийся в пустоту дикий визг, как будто завопила от ужаса целая банда кошек.

— С-суки, — сказал майор, хватаясь за уши. — Ну вот, попробуй тут жить, когда три раза в день — вот такое... У меня сейчас мозги потекут...

Он взялся было за автомат — разжал пальцы, опять тронул гладкое дерево, сомкнутое с железом, — опять отпустил. Вдруг бешено распрямился, словно его ударило изнутри, и, едва не задев студента, крутанулся на месте.

Неслышимый за визгом манайцев, подкатил к самой луже новенький, как будто только что купленный, мотоцикл — правда, уже чувствительно забрызганный грязью вплоть до сиденья, однако явно не из дешевых, с протертым, по-видимому недавно, ярким православным крестом на капоте. За рулем находился парень в десантном комбинезоне, из-за плеча его предупредительно высовывалось дуло накинутаго автомата, а все пространство коляски, словно сделанной именно под него, заполнял собою священник; тоже — с громадным сияющим православным крестом на груди.

Он, не торопясь, сведя пышные брови, выпростался наружу, солидно одернул рясу, приоткрывшую тяжелые тупые носы армейских сапог, перекрестился на сквозящие купола, осенил широким благословением молча разглядывающих его Кабана, студента, майора (никто из них даже не шелохнулся в ответ), а затем, одной рукой подхватив широкогорлый сосуд со святой водой, а другой сжав метелочку, скрепленную потрепанной изолентой, сказал, ни к кому не обращаясь: «Ну, с Богом!» и деловито зашагал вниз, к визжащему кругу манайцев. Метелочку он при этом окунал глубоко в сосуд и мерно разбрасывал перед собой брызги воды.

Тогда майор, в свою очередь, вразвалку подошел к мотоциклу, осмотрел его по-хозяйски — справа и слева, точно собирался купить, осмотрел также десантника, точно не человек это был, а пластмассовый манекен, и лишь потом спросил начальственным хрипловатым голосом:

— Откуда?

— Оттуда, — в тон ему ответил десантник.

— И как там?

— Хреново, — сказал десантник. Он все время поворачивал голову вслед за майором. С мотоцикла, впрочем, не слез и ладоней с прорезиненных рукояток руля не убрал. — В поселок заводской вчера заезжали. Ни одного человека больше нет в поселке...

Последовала короткая пауза.

Майор выдернул из земли сухую былинку и переломил ее пополам.

— А что бы вам не собрать десяток ребят, — сказал он, покусывая суставчатую жесткую ость. — Десяток нормальных ребят, крепких таких, у вас будет? Вот, приехали бы, поговорили как люди... Объяснили бы, строго так, кому эта земля спокон века принадлежит... Кстати, рыбы в здешних местах — пропасть...

— Пробовали уже за рыбой, — хмуро сказал десантник.

— Ну и что?

— А то, что с рыбалки этой никто не вернулся. В Больших Липах — знаешь? — кстати говоря, пробовали. До Лип-то они доехали, это по следам ясно, на двух джипах махнули, а дальше — ни ребят, ни машин, ничего... Следственная группа потом работала. Утром примчались — вечером уже бумажки подписывали. Болота вокруг Лип знаешь какие?..

— Понятно, — сказал майор.

Что ему тут было понятно, объяснить мог только он сам.

Оба они повернули головы.

Пение манайцев, по мере того, как священник к ним приближался, становилось все тише. Руки, обращенные к небу, двигались все медленнее и медленнее. Круг в ближней точке неожиданно разомкнулся, давая проход, но не распался совсем — края его разошлись, образовав нечто вроде коричневой чаши. Священник оказался как раз в ее фокусе. Метелочка замерла в воздухе. Но потом все-таки опустилась в сосуд и резким движением выбросила оттуда веер продолговатых капель.

Студент видел это собственными глазами.

Сверкающие, будто из золота, брызги неторопливо поплыли к манайцам, те, в свою очередь, подтянулись и выставили перед собой ладони. Не произнесено было ни одного слова. Но капли вдруг зашипели в воздухе и длинными струйками пара рванулись вверх.

Десантник тут же потащил с плеча автомат, перехватил его и положил дулом на руль.

Все это, однако, без лишней спешки.

Майор сделал два шага назад, опустился на корточки, и тоже — нащупал рукой приклад.

Ничего страшного, впрочем, не произошло.

Священник бросил метелочку внутрь сосуда, повернулся и, даже не ускоряя шагов, возвратился к коляске. Здесь он привычно закрепил сосуд в особую ремennую петельку, накрыл его крышкой, которую, чтоб не съезжала, защемил двумя скобами. Снова перекрестился на сквозящие синевой купола.

— Дай вам Бог, православные!..

— И вам того же, — после некоторого молчания, не убирая руки с приклада, отозвался майор.

Когда мотоцикл исчез все за теми же плотными елями, когда треск его растворился в лесу, а ветер унес запах душного выхлопа, Кабан, точно дожидавшийся именно такого момента, покряхтел и как-то по частям поднялся со своего лежбища.

Был он на удивление невысоким, коротконогим, тулово, словно вытесанное из кряжа, почти влачилось по дерну; громадная голова выдавливалась из шеи жирные складки. Странно было, как он умудрялся сквозь них дышать.

— Ладно, пойду, собираться надо...

Он выдержал огненный взгляд майора, который немедленно вскинул лицо, проверяя — уж не ослышался ли, и равнодушно, будто речь шла о бане, добавил:

— К вечеру машина вернется. Утром — погрузимся...

Больше он ничего не сказал. Пошел — без дороги, продавливая на каждом шагу верхний слой почвы.

Земля его держала с трудом.

Майор только прищурился.

— Вот, а президент все на лыжах съезжает, — не очень понятно прокомментировал он. — Все переговоры ведет на высоком уровне. Тут не переговоры нужны, тут надо сразу — за горло брать. — Он вдруг громко, как полированной сталью, скрипнул зубами. — Что мы, русские, за народ, и жить не хотим, и умирать страшно...

— Архетип такой, — неожиданно ответил студент. Он не хотел говорить. Вырвалось как-то само собой. — Земли много. Всегда можно куда-то уйти.

Теперь майор перевел взгляд на него. И от этого раскаленного, прицельного взгляда хотелось скрыться.

— Это ты верно сказал. Уйти есть куда...

Несколько мгновений они сидели в безмолвии. А потом майор тоже встал и, не прощаясь, двинулся в сторону леса. Шел он через цветастый луг, начинавшийся сразу за церковью, и в отличие от Кабана ступал пружинисто и легко, будто вовсе не пил.

Он ни разу не обернулся.

Автомат он нес так, что в траве его видно не было.

Студент дремал на пригорке, подложив руки под голову, и сквозь тени слипающихся ресниц смотрел в солнечные просторы. Лежать ему сейчас, конечно, не следовало бы. Ему следовало бы трудолюбиво, как муравью, копошиться внутри темноватой, пахнувшей разором и запустением, унылой церкви, ползать по скрипучим стропилам, тревожа слой пыли, растягивать вдоль перекрытий жестяную ленту рулетки. Собственно, за этим он сюда и приехал. Акт о техническом состоянии писать все равно придется. Делать ему, однако, ничего не хотелось: город, институт, кафедра были призрачными, как будто почудившимися в сновидениях. Казалось совершенно невероятным, что где-то ходят сейчас по гладкой тверди асфальта, ездят на транспорте, может быть, открывают зонты, опускаются, как сомнамбулы, в мраморные подземные вестибюли. Ему казалось, что в действительности ничего этого нет, а есть только пустоши, вечная комариная тишина, простершиеся на сотни и тысячи километров леса, полные древесного зноя. Редкие деревеньки, где из конца в конец не встретить ни одного человека, пересвист непуганых птиц, зарастающие травой проселки...

Он видел, как манайцы убирают последний мусор с очищенного Пилиного участка. Заметны были еще присыпанные землей ямы от кольев, вытопанная, мертвая плешь, где у Пили не выдерживала ни одна былинка, Пиля хвастал как-то, что специально поливает ее бензином, остатки разоренного огорода... Завтра манайцы примутся, вероятно, за участок Федора, а еще через день — через два — за крепенькую избу Кабана. Здесь им, наверное, повозиться придется: дом у Кабана — как он сам, забор из толстенных брусьев выглядит несокрушимым. Сколько сил надо, чтоб разобрать этакое страшилище. Ничего, манайцы с ним справятся, возникнет опять на месте жилья земляная рыхлая пустота, жаркий воздух, терпеливое копошение насекомых... Жизнь пойдет, как будто человека никогда не было...

Он также видел, как потянулись старухи к полю манайской пшеницы. Длинный, неестественно желтый прямоугольник ее вытянулся меж речкой и бывшей деревенской околицей. Как будто положили на землю толстый ломоть сыра. И подравняли края: откусывай — не откусывай, останется то же самое... Пшеницу манайцы не охраняли; напротив — любой мог нарвать себе сноп ярких колосьев. Далее из них вылущивались крепкие, продолговатые зерна, заливались водой, и уже через десять минут каша была готова. Ее не нужно было даже варить: зерно само разбухало и превращалось в клейкую сладковатую массу. Федосья, у которой студент снимал комнату, ела ее три раза в день. Денег с него поэтому не брала.

— Зачем мне деньги, милоч, куда их тут тратить? — А к тем продуктам, которые студент привез из города, даже не прикасалась.

Студент вытянул слегка затекшую ногу. Раздался писк, из-под кроссовки, которой он придавил лист лопуха, выскочил небольшой чемурек, наверное, уже давно там упрятавшийся, и, встав в мягкий столбик, ощерился опасными мышинными зубками. Был он желтовато-коричневый, как все, что жило или росло у манайцев, размером с крысу, и опирался на крысиный же голый розовый хвостик, когтистые лапки его были нацелены на студента, а бусинки непроницаемых глаз возмущенно подергивались. Кто это посмел ему помешать?

— Брысь... — лениво сказал студент.

Чемурек мгновенно исчез.

И в этот момент со стороны леса раздался выстрел.

Правда, на выстрел он был совсем не похож. Просто — легкий хлопок, от коего из кустарника, вдающегося мыском в бывшее колхозное поле, словно хлопья костра, метнулись к небу испуганные то ли грачи, то ли вороны.

Тем не менее, один из манайцев, тащивших жерди с Пилиного участка, вдруг подпрыгнул на месте, будто его хватили прутом по пяткам, нелепо выбросил локти, как птичьи кости без крыльев, и брякнулся во весь рост на каменистую твердь дороги.

Пару раз дернулся, будто пытаюсь встать, и застыл — прижав к телу руки и ноги.

Студент тут же сел.

У него как-то глубоко-глубоко провалилось сердце.

— Что же это такое? — растерянно сказал он.

Надо было, видимо, куда-то бежать, где-то прятаться.

Вот только — куда и где?

На дороге тем временем происходило нечто странное. Манайцы, находившиеся поблизости, окружили лежащего редким кругом, всего, наверное, из семи-восьми человек, выставили к нему растопыренные ладони, сомкнув их в венчик цветка, и начали делать такие движения, как будто накачивали в мертвое тело воздух. Одновременно все они громко выдыхали: Ух!.. Ух!.. Ух!.. — и чуть приседали, как прежде, разводя костяные колени. От этого распластанное на дороге тело начало конвульсивно подергиваться, скрести пальцами по земле, терять очертания, расплываться, как то растение, которое давеча выдрал майор, превращаться в бесформенную студенистую массу, вздувающую из себя множество тут же лопающихся пузырей. С пригорка, где находился студент, все было видно достаточно хорошо. Продолжалось так, вероятно, минуты три или четыре. Счет времени он потерял, лишь мелко-мелко подергивал вокруг себя листики дерна. А потом масса, вытянувшаяся на дороге, сгустилась, успокоилась, приобрела характерную светло-коричневую окраску, судороги и пузырение прекратились, выполнив, вероятно, свое назначение, и от нее отделились две пары тощих, будто из тростинок, ладони. Двое манайцев, более похожих на скелеты, поднялись и, пошатываясь, вознесли над собой пронзительно тонкие руки. Остальные перешли с уханья на кошачье затихающее мяуканье, круг распался, и новорожденные, медленно переставляя конечности, двинулись в сторону огородов.

Никто их не сопровождал.

Напротив, манайцы, которых за это время стало значительно больше (подтянулись, видимо, те, которые были внутри поселка), развернулись в шеренгу, слегка загибающуюся по краям, и опять выстроили фигуру, напоминающую разрез чаши. Эта живая «чаша» синхронно поворачивалась, будто сканируя окружающее пространство, и когда фокус ее скользнул по студенту, тот ощутил в сердце горячий толчок.

Хотелось вскрикнуть, но он сдержался.

А манайская «чаша» остановилась, уперев невидимое свое острие именно в клин кустов, откуда прозвучал выстрел, и затем очень плавно, растягиваясь вправо и влево, пошла к нему через поле.

Раздался еще один выстрел, но, видимо, никого не задел.

Затем — еще один.

С тем же успехом.

Крикнула птица, имени которой никто не знал.

И наступила обморочная тишина.

— Да что же это?.. — срывающимся, некрасивым голосом сказал студент.

Через полчаса, собрав свои вещи, то есть торопливо покидав их в рюкзак и туго перетянув клапан, он выскочил из дома Федосьи, которая, к счастью, отсутствовала, и прикрыл за собой калитку, царапнувшую по земле кривым низом.

Тем не менее, он опоздал.

Сразу же перед домом, загораживая дорогу, стояли двое манайцев. Впервые за две недели пребывания здесь студент видел их так отчетливо: оба — светло-коричневые, тощие, невысокие, оба — действительно, будто кожей, облитые эластичными комбинезонами, оба — с непроницаемыми глазами, с зеленоватым пухом, высывающимся из-под панамок.

— Чего уставились? — грубовато спросил студент. Он в это мгновение почему-то их совсем не боялся. — Ждете, пока уеду? Все, уезжаю... — И для наглядности изобразил средним и указательным пальцами. — Моя-твоя уходить. Топ-топ...

— Оцень холосо, — резким писклявым голосом сказал левый манаец. — Моя-твоя понимай, оцень рада...

Второй не произнес ничего. Зато, как придурок, расплылся жидкой улыбкой от уха до уха.

— Бутылку давай, чего смотришь, — злобно сказал студент. — Раз уезжаю отсюда — значит, по закону положено...

Секунду первый манаец раздумывал, словно не понимая, о чем разговор, а потом сжал ладони и шаркнул ими по комбинезону. В руках его вдруг оказалась бутылка с желтой наклейкой. Непонятно было, где она до сих пор скрывалась. Разве что манаец извлек ее прямо из тела.

— Путилка, — радостно сообщил он. — Моя-твоя, заплатил. Холосо...

Второй тревожно поднял брови.

— Твоя потом возвращайся не будет?

— Не будет, — заверил студент. — Не беспокойтесь... Топ-топ... насовсем...

Манайцы дружно отступили к обочине.

Теперь оба они расплывались в улыбках и даже кивали студенту острыми соломенными панамками.

— Холосо... Холосо...

Все-таки они походили на идиотов.

Студент сунул бутылку в боковой карман рюкзака и зашагал в сторону города.

ПОРА СЕНОКОСА

— Нет, все-таки ты не прав, — сказал Тиша. — В протестантской конфессии, в самом деле, если ты добиваешься делового успеха, значит на тебе лежит благоволение божие. На этом основаны все американские достижения. Однако, что важно, успеха ты добиваешься самостоятельно. Бог, протестантский Бог, тебе в этом не помогает.

Он взял с тарелки маслянистую коричневую соломку с крупинками соли, откусил от нее и захрустел поджаристой корочкой.

— Это — узко конфессиональный подход. Твою проблему, скорее, следует трактовать в русле общехристианских воззрений. У тебя есть предназначение, кое ты обязан осуществить, и Бог помогает тебе идти этим путем.

— А в чем предназначение заключается? — спросил Дольник.

— Понятия не имею, — жизнерадостно ответил Тиша. — Считается, что ты сам должен это почувствовать. Тебе должен быть знак, откровение, перст судьбы — называй как хочешь. Одно можно сказать твердо: если у тебя начались неудачи, значит ты от своего предназначения отступил.

Дольник тоже откусил край соломки. Она имела рыбный солоноватый вкус и с минеральной водой, которую он себе заказал, совершенно не сочеталась.

— И что тогда?

— Что тогда?.. Тогда благоволение божье заканчивается. Бог, как известно, не фраер... Вот мы тут с тобой спокойно сидим, пьем пиво... Ну да, извини, ты, как всегда, — минералку... О жизни беседуем, не торопясь... А в это время известный киллер по кличке Койот, оттуда вон, например, выцеливает тебя через оптику...

Тиша махнул рукой. В трехэтажном старинном доме на другой стороне канала действительно было распахнуто угловое окно — тюлевые занавески за подоконником чуть колыхались от ветра.

В просвете между ними была чернота.

— Пок — и тебя больше нет...

Он посмотрел на свои жирные пальцы — осторожно вытянул из заднего кармана джинсов платок, энергично встряхнул его, разворачивая, промокнул лоб, щеки, приложил к рыбным губам, а затем тщательно, будто выполняя некий загадочный ритуал, начал протирать каждый палец отдельно.

— Зачем? Салфетки же есть, — сказал Дольник.

— Хрен этими салфетками вытрешь...

Кроме них в летнем кафе никого не было. Скучал, облокотившись о стойку, бармен с оловянными выпученными глазами, да в дальнем углу, накрытом тенью пластмассового козырька, два коротко стриженных бугая потягивали пиво из кружек.

Оба, несмотря на жару, в кожаных пиджаках.

Тиша, тем не менее, понизил голос.

— Ты мне лучше вот что скажи. Ты почему контракт со Слоном не хочешь подписывать? Что там тебя не устраивает?

Он вдруг замер, будто испугавшись собственных слов. Даже на рубашке его, там, где тело соприкасалось с тканью, проступила мокрая полоса.

Дольник пожал плечами.

— Чего попроще спроси. Откуда я знаю? С одной стороны, контракт вроде приличный, мы на фирме его обнюхали — каждую букву. Выгодно, выгодно, черт, ничего не скажешь... А с другой стороны... Как тебе объяснить?.. Не могу... Будто каким-то таким дерьмом от него пахнет. Будто там, внутри, что-то гниет... Вот — все в порядке, а не могу...

— Это потому, что — Слон? — хриловато поинтересовался Тиша.

— А что — Слон? Слон сейчас, кстати, нисколько не хуже других. В костюме ходит, при галстук. Прошли прежние времена. Или все-таки не прошли?..

Он отпил немного минеральной воды. Вода была теплая, нагрелась, пока они разговаривали. Внимательно обозрел Тишу, который, налившись пивом, страдал от жары, и затем, чуть вытянув голову, перевел взгляд туда, где покачивались белые занавески.

Солнце било в глаза, квартирная темнота казалась непроницаемой.

Или там все же кто-то скрывался?

Он иронически хмыкнул.

— Койот, говоришь?

Койот зацепил ногой стул и, мерно подталкивая его, переместил на несколько сантиметров.

Затем снова прильнул к трубочке оптического прицела.

Дуло винтовки, угнездившееся в скосе двух планок, смотрело теперь сквозь занавески под более острым углом.

Впрочем, это ничего не меняло.

Круглый кусочек пространства по-прежнему заслоняла расплывчатая бурая тень: ствол старого тополя, росшего на другой стороне. Лишь в крайней части картинки просматривались на пределе возможного — лоб, нос и подбородок клиента.

Работать в таком ракурсе было нельзя. Пуля либо зацепит кору и жажнет неизвестно куда, вызвав в кафе и на улице дикий переполох, либо, если уж повезет, огненным твердым прутом чиркнет клиента по лбу. Удар, конечно, будет такой, что подскочишь. Однако кость не пробьет; в лучшем случае — оглушит.

Койот скрипнул зубами.

Вчера, после осмотра места будущей акции, он позвонил заказчику и настойчиво попросил, чтобы расположились они справа от входа. Кажется, не так уж трудно запомнить. Вон этот столик, кстати, совершенно пустой, краснеет пластмассовой чистой поверхностью. Нет, повернули, видите ли, налево, да еще сели так, что директриса стрельбы оказалась полностью перекрытой.

Что за удручающая безответственность?

Как с такими людьми сотрудничать?

Сам заказчик, между прочим, был виден прекрасно: поднял в это мгновение кружку и запрокинул голову, допивая остатки.

Вот бы кого свинтить.

Пок — и нет идиота.

— Ну позови, позови его, — процедил Койот. — Ну скажи ему что-нибудь, пусть он к тебе хоть чуть-чуть нагнется. Совсем чуть-чуть, пожалуйста, мне много не надо...

И точно в ответ на просьбу, высказанную таким тихим шелестом, который не расслышал бы и стоящий поблизости человек, заказчик поставил кружку и, видимо, действительно сказал что-то важное, потому что клиент внезапно подался вперед и даже облокотился о столик.

— Ну вот, — поджав губы, сказал Койот.

Он был уверен, что рано или поздно это случится.

Остальное было делом техники.

Он плавно перевел стрелку прицела на хорошо знакомую ему точку — чуть выше и чуть левее уха клиента, самое надежное при стрельбе сверху место, а потом задержал дыхание и мягко, почти бесчувственно нажал на курок.

— Ну, не Койот, предположим, — весело сказал Тиша. — Койот — это так, мелкие фантазии обывателя. А вот ты рассказывал, что живет под тобой какой-то сумасшедший старик: включит газ на плите, а зажечь забудет... Кстати, почему газ? Дом — после ремонта, плиты должны быть на электричестве.

— Дом новый, да район старый, — ответил Дольник. — Электричество у нас отключают хотя бы раз в месяц. Попробуй поживи так — без плиты, без всего... А старик этот, между прочим, действительно сумасшедший. Главное, ничего не сделать. Сын у него — знаешь кто? Ну вот, сын — в Москве, а он — тут, колобродит... Как-нибудь, в самом деле, чиркнет спичкой, и все. Перееду я оттуда к чертовой матери...

Он вдруг прищурился, сильно подался вперед и сжал пальцами круглый высокий стакан с выдохшейся минералкой.

— А вот скажи мне честно, Тиша, как старинный приятель: уел бы меня, конечно, Слон на этом контракте? Не знаю — где, не знаю — каким образом, но ведь, точно, уел бы?.. Ты не бойся, дальше меня это не пойдет. Мне интересно в чисто теоретическом плане. И решения своего я тоже не изменю. Со Слоном работать не буду. Словами можешь не говорить, ты — просто кивни.

Под его внимательным взглядом Тиша медленно опустил и поднял веки.

— Спасибо, Тиша, — сказал Дольник. — А на сколько они тебя *подвесили*, что ты решил сдать приятеля? Да ты, повторяю, не бойся. Я — человек немстительный, ты же знаешь...

Он прищурился еще больше.

— На двадцатку, — не сразу выдавил из себя Тиша.

Вся его прежняя веселость куда-то пропала. Теперь перед Дольником сидел тридцатилетний старик — с землистыми щеками и провалившимися в морщины глазами.

У него даже нос заострился, как у покойника.

Дольнику его стало жалко.

— Ну, двадцатку я тебе, конечно, не дам, — задумчиво произнес он, покручивая в пальцах стакан. — Трешку — еще куда ни шло, остальное в других местах наскребешь. Не бойся, Тиша, не из таких передраг выбирались...

— На хрена мне трешка твоя, — сказал Тиша.

— Так что? Возьмешь или нет?

— Возьму...

— Тогда зайди завтра в офис... И вот еще что...

Дольник внезапно выпрямился, будто его кольнули, и, исказив в гримасе лицо, хватил себя рукой по щеке.

— З-зараза!.. — с чувством произнес он.

— Комар? — спросил Тиша.

— З-зараза!.. Откуда они только берутся...

В этот момент между ними что-то негромко свистнуло, и от пластмассовой стойки, над которой, как змеи, изогнулись никелированные мордочки краников, откуда-то снизу, донесся тупой сильный удар.

Точно забили гвоздь резиновым молотком.

Бугаи, расположившиеся в углу, повернули головы. Встрепенулся бармен — нагнулся, изучил место, выпрямился, демонстративно развел руками.

Лицо его выражало недоумение.

— Лопнуло у него что-то, — предположил Тиша. — А комары — это уже особая городская порода. В подвалах размножаются, на чердаках, в перекрытиях, на мокрых трубах, даже на последние этажи залетают...

Он с каким-то испугом глянул через зеленоватый тихий канал, обсаженный тополями, а потом, будто не веря своим глазам, воззрился на Дольника.

Словно увидел перед собой нечто чудовищное.

Вдруг снова выдернул из кармана платок и, торопливо пришепывая, промокнул им лоб, макушку, затылок.

— Жарко, — наблюдая за ним, согласился Дольник. — Ты мне все-таки, Тиша, вот что объясни напоследок. Если у меня есть некое предназначение, ну, благодаря которому, как ты считаешь, мне в жизни везет, то что делать, чтобы его сохранить? Вот ты говоришь — знамение, перст судьбы. Я, если честно, ничего такого не вижу. Я просто живу, как у меня получается, а то, что не получается, — хрен с ним, не очень-то и хотелось. Как, например, в случае со Слоном... Тиша, — позвал он. — Тиша... Ты меня слушаешь?

— Да-да, — рассеянно отозвался Тиша. Он точно пребывал в ином измерении. — Бог его знает, как сохранить. Ты ведь, фактически, спрашиваешь меня, как спасти душу? А в христианстве, знаешь ли, путь спасения сугубо индивидуален. То есть существует, конечно, традиционный набор обрядов, но ведь даже по церковным канонам соблюдение их ничего такого не гарантирует. Они более служат для умиротворения человека... Другое дело, что в православной реальности, к которой мы все, включая атеистов, принадлежим, материальный успех действительно представляет собой некую метафизическую опасность. Это ты, кстати, очень верно почувствовал. Это, скорее, аванс, который еще предстоит отработать. Свидетельство званности, но не избранности. Кому много дано, с того много и спросится...

— Думаешь, спросится? — задумчиво сказал Дольник.

— Спросится-спросится, — рассеянно подтвердил Тиша. — Со всех спросится. Можешь не сомневаться. По той мере, коя была отпущена...

Он перевел глаза на платок, который до сих пор сжимал в кулаке. Вдруг скомкал его и решительно засунул в задний карман.

Койот хорошо видел, как заказчик продублировал условный сигнал. Как он опять извлек на свет божий клетчатый носовой платок, как энергично встряхнул его, точно флаг, взывающий о немедленных действиях, как демонстративно, так, что не заметить было нельзя, вытер им поблескивающее от пота лицо.

Ничего, кроме раздражения, это не вызвало.

Лучше бы он сместился с клиентом чуть в сторону.

— Ну сдвинься, сдвинься, дурак... — прошипел Койот одними губами.

Он уже чувствовал, что акция провалилась.

Был, правда, шанс отработать ситуацию при прощании. Ведь должны же они когда-нибудь встать, выйти из-за барьерчика, огораживающего кафе. На набережной клиент окажется как на ладони. А если они еще и остановятся хотя бы на пару секунд — сказать, например, что-то, обменяться рукопожатием, то больше ничего не потребуется. Этой пары секунд будет вполне достаточно.

Так что шансы успешно завершить операцию еще были. Однако Койот сердцем чувствовал, что рассчитывать на них не приходится. Если уж пошло с самого начала наперекосяк, то сколько ни тужься потом, сколько ни пыжься, ничего путного не получится.

Наверняка опять что-нибудь помешает.

Опыт в этом отношении у него уже был. И потому он несколько не удивился, когда два бугая, мирно потягивавшие пиво в своем углу, неожиданно поднялись и вышли на набережную. Причем не просто вышли — подумавшись, кого это интересует, — а еще и остановились между деревьями так, что заслонили собой единственный удобный просвет.

Теперь все вообще выглядело безнадежно.

И он несколько не удивился, что как раз в этот самый момент поднялись заказчик с клиентом. Видимо, попрощались — замерли на мгновение локти над столиком. Клиент, кажется, что-то сказал, заказчик ему ответил. А потом светлая, вероятно, импортная рубашка с коричневым мягким воротничком проплыла за фигурами бугаев и вышла из поля обзора.

Чему тут, собственно, удивляться?

Ну что ж, нет, значит — нет.

Не его эта вина.

Если заказчик нарушает договоренности, какой может быть спрос?

Просто не повезло.

Главное теперь было — спокойно уйти.

Койот глубоко вздохнул, переключаясь с рабочего режима на обыкновенный, закрыл и открыл глаза, тем самым обозначив для себя конец акции, а затем передвинул рифленую загогулину рычажка на затворе и поймал выскочивший изнутри увесистый, металлического желтого цвета, гладкий продолговатый патрон.

Дольник махнул рукой Тише, растерянно затоптавшемуся у столика, протиснулся между двумя красными зонтиками, которые, будучи сдвинутыми, оставляли совсем мало места, и, миновав низкую металлическую решеточку, указывающую границы кафе, сразу же свернул в переулок — буквально в трех метрах от бокового выхода.

Ему хотелось побыстрее уйти отсюда.

Как это с ним уже несколько раз бывало, он вдруг понял, что все дурацкие рассуждения Тиши насчет киллера, якобы засевшего в доме на той стороне канала, на самом деле были жутковатой реальностью: в темноте съемной квартиры, за тюлевыми занавесками, в тишине, в духоте старой мебели действительно пребывал некий киллер по кличке Койот и, действительно, положив дуло винтовки на спинку стула, выцеливал его, Дольника, через дальнобойную оптику.

Платок, которым Тиша так упорно тряс перед ним, был сигналом.

Ай да Тиша, ай да молодец, старый приятель!..

Дольник почувствовал, что он тоже весь взмок. Рубашка прилипла. Кожу между лопаток тянула неприятная влажная ткань. Все-таки он чудом избежал смерти. Причем именно чудом. Ничем другим это не объяснить. Вообще, если вспомнить, сквозь какие сокрушительные обвалы ему за последние годы удалось проскочить, каких бед избежать, из каких потрясений выкарабкаться, то придется признать, что Тиша был прав. Без чего-то *такого* здесь действительно не обошлось. Взять хотя бы ситуацию перед дефолтом. Ведь буквально за три дня до знаменитого выступления премьер-министра, ввергнувшего в шок всю страну, его будто что-то толкнуло: он сбросил все ГКО, государственные краткосрочные обязательства, между прочим, считавшиеся в тот момент самыми прибыльными из бумаг, и ведь не просто сбросил, что в тех обстоятельствах ему не очень бы помогло, но еще и успел «за секунду до полночи» обменять рублевые активы на доллары. В самом деле, какое-то озарение. Тех же, кто не успел, прохлопал, понадеялся, что пронесет, будто катком переехал... А тот случай, когда он увернулся от Карабаса? А история с бесхозными территориями, на которые претендовал сам Битюг? Попробуй не уступи Битюгу! А вот Дольник не только не уступил, но еще и успел прихватить пару вкусных кусочков. Как будто невидимая рука вела его через эти джунгли — отводила опасности, оберегала от скрытых ям и ловушек. Между прочим, не только его. Все, сумевшие за это время чего-то добиться, могли бы сказать то же самое. Предназначение, как выразился бы Тиша. Может быть, и предназначение. Вот только к чему?..

И как всегда после стресса, свидетельствующего о прикосновении к темноте, его охватило легкое, ни с чем не сравнимое, радостное, удивительное возбуждение. Не то, которое заставляет сразу же торопиться куда-то, а то, что, напротив, порождает иллюзию бесконечного времени. Сколько еще впереди жизни: все можно успеть, все сделать. Не было ничего лучше этого состояния. Мир будто преисполнялся высокого смысла. Дольник видел переулок, высланный стеклянными расплывчатыми отражениями, каменные пустые дворики, где, как в аквариумах, стояла солнечная тишина, чуть шевелящуюся листву тополей, светлый волшебный пух, плывущий по воздуху. Пробежали мальчишки, таща за собою какую-то железяку, осторожно, как рыба, скользнула на набережную легковая машина, девушка в блузке и юбке, открывающих трогательный пупок, выкатила из подворотни коляску с посапывающим пухлым младенцем. Это было как знаки тайнописи, проступающие в повседневности. То, что превращает существование в настоящую жизнь.

Дольник, конечно, знал, что ощущение это обманчиво. Это — не более чем мираж, окутывающий собою реальность. Он знал, что стоит ступить в заманчивую тень подворотни, и обнаружатся мусорные бачки, из которых вываливается всякая протухшая дрянь, знал, что лестницы в парадных разбиты, плохо освещены, пропитаны ужасными запахами, стены исписаны ругательствами, которые не соскоблить, жестяные почтовые ящики чернеют пятнами сажи, а мальчишки — кстати, почему они летом в городе? — тащат за собой ржавую раму от холодильника. Вон как противно она скрежещет по мостовой. Это была другая, темная сторона бытия. Задники декораций, где оседают грязь, боль, страх, окурки, бутылочное стекло. Хорошо бы все это вычистить до праздничного сверкания. Хорошо бы все это вымыть, досуха протереть, покрасить, заменить новым. Чтобы чистота была не только снаружи, но и внутри. Чтобы едкая копоть страданий не отравляла ни одного человека. Вот дело, которым действительно можно заняться. Ведь не накапливать же до бесконечности серо-зеленые, скучные одинаковые бумажки с цифрами и степенями защиты. Придумали для взрослых людей игру в фантики. Какое отношение имеет она к подлинной жизни? А вот, действительно, — бросить, заняться, наконец, чем-нибудь стоящим. Чем-нибудь таким, что и есть собственно жизнь. Жаль, что нельзя. Пока он чистит, пока он моет и красит, какой-нибудь очередной Слон со своими братками приберет его дело к рукам. И что тогда? Как тот бомжеватого вида мужик, бродить от помойки к помойке? А ведь действительно жаль. Какая бы это могла быть великолепная жизнь...

Легкая тень набежала на переулок. Погасло солнечное отражение в окнах, стал гуще сумрак в сводах каменных подворотен. Дунул горячий ветер, потащил к набережной волчок серой пыли.

Дольник поднял голову.

Медленно, словно сонная черепаха, выползло из-за крыш облако, увитое грозowymi расплывами. Видимо, будет дождь. Хорошо бы. Чуть-чуть ослабит жару, прибьет пыль, которая уже скрипит на зубах.

Он набрал номер кодового замка. Щелкнул стопор, зажегся за чугунной вязью ворот огонек телекамеры. Дом был новый, только что капитально отремонтированный, с перекрытым двором, куда не мог попасть никто посторонний. Вон его квартира: четыре окна сюда, три — на улицу. Сейчас он первым делом примет чего-нибудь прохладительного, эта минералка в кафе, бог знает, отдает чем-то таким, до сих пор во рту неприятный солевой привкус. Потом — душ, потом — опять чего-нибудь прохладительного. Затем он, быть может, не торопясь, полистает проспекты, а когда кончится дождь, часа в три — в четыре поедет на фирму. Как раз будет время, чтобы спокойно, без суеты поработать. Бог с ним, с предназначением. Сейчас в самом деле важнее выпить чего-нибудь охлажденного.

У квартиры на втором этаже он на секундочку задержался. Втянул носом воздух, сморщился и почти вплотную припал лицом к узкой дверной филенке. Ну конечно, опять газом пахнет! Старый сморчок, сколько можно ругаться на эту тему! Ведь есть же электрическая плита. Какого хрена нужно крутить газовый вентиль?

Ну, я ему сейчас устрою, злобно подумал Дольник. Сейчас он узнает, как человек становится обезьяной. С ним я объясняться больше не буду, а вот позвоню в аварийную службу, «газовикам», в милицию, в «скорую помощь». Пусть объясняется с ними, гамадрил старый...

Он уже доставал свой ключ, предвкушая, как будет наслаждаться этой картиной, и в это время лестничная площадка под ним, вздрогнув, раскололась посередине, края ее вспучились, словно раздираемые изнутри, и вдруг подбросили вверх столб пыли и грохота...

Тиша оказался на месте взрыва минут через десять. Он увидел просевшую часть дома, мусорно-кирпичные оползни, пересекающие тротуар. Развалины «Зарубежные записки» №5/2006

достигали третьего этажа и, точно корни зубов, торчали из них балки и покореженная арматура.

Сгрудились, загородив набережную, машины милиции, спасателей, несколько белых медицинских фургончиков.

О выживших можно было не спрашивать.

Значит, теперь — Дольник, подумал он. Третий, нет, уже четвертый случай на этой неделе. А сколько еще таких, о которых ничего не известно: инфаркты, дорожно-транспортные происшествия, «деловые разборки», отравления некачественными продуктами. Да просто — споткнулся на ровном месте, упал, ударился головой. Непредвиденная случайность, и все. Никто не видит косы, срезающей бесшумными взмахами одного за другим. Званных, которые не стали избранными.

Скоро не останется никого.

Крайний срок, час икс, момент истины.

Ничего здесь не сделаешь.

Никто не поверит.

Дольник ведь не поверил.

Никого, никого из них не останется.

Тиша вздохнул, почувствовав в горле сухую пыль, отвернулся, дошел по набережной до ближайшего перекрестка. Там он еще раз вздохнул, задумчиво посмотрел на зеленый глаз светофора. И вдруг, как во сне, где опасности избежать нельзя, шагнул на проезжую часть — прямо под колеса стремительно поворачивающего джипа.

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

— Я все-таки не врубаюсь, — сказал Вовчик. — Тебя, мужик, как звать, Бокий? Ну вот, Баканя, я не понимаю, чего ты хочешь.

Сидящий перед ним человек повторил предложение.

— Значит, по порядку: вилла на Багамах, раз. — Вовчик выставил перед собой руку и загнул палец. — Это само собой. Без этого базара не будет. Тачку, какую хочешь, так? Ну, насчет тачки мы еще потолкуем. И, скажем, сто тысяч долларов в ихнем банке?

— Можно открыть кредит в рамках означенной суммы.

— На сто тысяч долларов?

— Именно так.

Вовчик откинулся и хитро посмотрел в глаза собеседнику.

— Кредит, говоришь? Кредит отдавать надо, — сказал он. — Кто вас там знает. Может, за этот кредит вы из меня потом фарш сделаете...

— Ну, можно договориться о безвозвратной ссуде в пределах разумных трат.

— Это как?

— Часть этой суммы просто не возвращается.

— На халяву, значит?

— Представительские расходы.

— Слушай, я не понимаю, Баканя, тогда в чем прикол?

— Ну, вы нам тоже кое-что обещаете, — сказал Бокий. — Правда, это лишь в том случае, если вас устроят условия договора.

— А если они меня не устроят?

— Тогда разойдемся.

— И все путем?

— У нас к вам никаких претензий не будет.

— Если что, братки вас из-под земли достанут, — предупредил Вовчик.

Бокий равнодушно мигнул.

— Ну ты меня понял, да?

— На это мы, собственно говоря, и рассчитываем.

— Тогда попробовать можно.

И все-таки Вовчик остался в недоумении. Слишком уж щедрым казался Бокий и слишком уж мало он в итоге хотел. Подумаешь, какую-то ерунду. Не может же быть, чтоб за это платили сто тысяч долларов. Наверное, все-таки у мужика крыша съехала.

Определенно здесь было что-то не то.

И потому, когда братки позже поинтересовались, чего, значит, в натуре, приходил этот хмырь, Вовчик лишь сморщился и показал клык, похожий на волчий. Это чтобы к нему не очень привязывались.

Вдаваться в объяснения пока не хотелось.

— Да так, туфту всякую впаривал, — неопределенно сказал он.

Бокий, тем не менее, не обманул. Через несколько дней Вовчику действительно принесли билет на Багамы. Все чин-чином: рейс, место указано, вписана его фамилия. Вовчик только что не обнюхал длинную многостраничную книжечку. Показал ее Кабану, и тот, посплюнявив пальцем маленький шрифт, сказал, что нет, вроде, не втюхивают.

— Ну че, тогда лети, Вовчик, раз подфартило.

В сопроводительной записке было сказано, что в аэропорту его будет ждать человек и все объяснит. То есть — не пропадет Вовчик. В случае чего будет с кого спросить.

Авторитет его среди братков явно вырос. Малек и Зиппер теперь смотрели на Вовчика другими глазами. Со всех ног бросались, если там, скажем, стакан налить или поднести зажигалку. А Малек дошел до того, что каждый день провожал Вовчика после работы.

Говорил:

— А вдруг котляковские отморозки подскочат?

— Как подскочат, так и отскочат, — отвечал Вовчик, показывая волосатый кулак. — Котляковских я всегда бил и всегда бить буду.

— Нет, уж лучше, знаешь, давай провожу...

Девки с него теперь тоже просто торчали. Гетка и Маракоша готовы были давать Вовчику хоть каждый день. Только мигни, обе тут же бегут в дежурку. Кассета, знаменитая тем, что ее всегда можно было поставить сначала, тоже не сводила с Вовчика своих расширенно-застывших зрачков. А капризная Люська, которая еще недавно посматривала на всех, задрал нос, — ее пас Кабан, вот и считала, что ей все дозволено, теперь — правда, если самого Кабана рядом не было, — подсаживалась поближе и заводила долгие разговоры. То и дело пудрилась, вертелась, стреляла глазами и, вздыхая, зудела, что хотела бы перебраться куда-нибудь к югу. Надоело здесь — холод, грязь, народ неинтеллигентный. Присмотрел бы ты, Вовчик, мне там какую-нибудь такую зацепку. На Багамах, говорят, девки берут по штуке баксов за час.

— Ну, Вовчик, ты же у нас деловой. Ну — потолкуй с местными...

Глаза у нее заволакивались мечтательной дымкой. Слово она воочию видела — море, пальмы, белый горячий песок, грациозную яхту, скользющую к горизонту.

Вовчик отвечал ей неопределенно. Разбираться с Кабаном из-за девки ему смысла не было.

Правда, Забилла, по обыкновению скривив рожу, сказал, что, как он от одного кента слышал, Багамы — место гнилое. Русских, восточников вообще, там отоваривают только так. Кидают как мальчиков. Смотри, чтоб и тебя, Вовчик, не кинули.

При этом он цыкнул слюной и попал на штанину какому-то пробегающему хмырю. Хмырь, конечно, возник. Пришлось дать ему по очкам.

Но даже это не испортило Вовчику настроение. Что взять с Забиллы? Забилла всегда чем-нибудь недоволен. Вовчику казалось, что теперь начинается совершенно другая жизнь. И когда он, выходя из дежурки, окидывал хозяйским взглядом братковскую зону: десяток ларьков, скопившихся у въезда на площадь Непокоренных, три магазинчика в ряд — от продуктового до строительных материалов, небольшой толчок перед ними, где разные недоделки продавали и скупали валюту, он чувствовал, что у него меняется шаг, а тело наливается уверенностью и энергией. Нет, что бы там Забилла не нес, а все будет отлично.

Он в эти дни даже не стал ломать двух пацанов, которые, сдуру наверное, пропилили ножовкой задник торгового павильона. Навешал им подзатыльников и предупредил, чтоб больше не попадались. А когда Мормышка из седьмого ларька, боязливо помаргивая, сказала, что у нее обнаружилась крупная недостача — поставщики, вероятно, кинули, те, что на днях подвозили левую бормотуху, — то Вовчик не навесил ей по хлебальнику, как того требовали суровые законы рыночной экономики, а просто посмотрел, как на вошь, и сказал, чтобы за две недели все было покрыто. Не покроешь, тогда, значит, пеняй на себя. И Мормышка от такого неслыханного попустительства просто порозовела. Лицо у нее замаслилось, а губы сложились в бантик. Вовчик ощущал себя благодетелем.

Авторитет его по всему району еще больше возрос, когда тем же вечером у братков произошла разборка с котляковскими отморозками. Котляковцы, надо сказать, уже давно нарывались. Они требовали ни много ни мало, чтобы братки делились с ними наваром по чейнджу. Дескать, хозяин чейнджа — на их территории, а что продавцы на толчке, это никого не волнует. Где хозяин, туда и должен идти налог. Братки им, кстати, отвечали на эту тему вполне разумно: что — вот это вот видишь, ну, значит, вали отсюда, где это сказано, чтобы по чейнджу отказываться от налога? Однако котляковские отморозки, по-видимому, совсем обнаглели. Назначили стрелку, о чем официально уведомили Кабана, и получили от Алихана «добро» на разбор по понятиям.

Ну, делать нечего; Кабан подтянул всю команду. Пришли Бумба и Топорок, которые по району тоже были в авторитете. Примчался Штакетник, прибившийся к ним всего месяца полтора назад. Пришли Зиппер с Мальком, с которых все равно было мало проку. Забилла положил в каждый карман по увесистому кастету. Явился даже Нырок, который, вообще говоря, быть здесь не обязан. Нырок уже давно отделился и держал точку за трамвайным разъездом. Это, вероятно, Кабан отдельно попросил его подсобить. Ну и, конечно, всякая мелюзга на подхват: Козура, Чайник, Двойняшки, Петечка с Васечкой.

Словом, команда образовалась вполне приличная. С такой не стыдно было бы выйти на разговор с самим Алиханом. Вовчик испытывал в коллективе законное чувство гордости. Братки стояли стеной, и было сразу понятно, что отступить они не намерены. Куда против них отморозкам из котляковской шоблы. То есть в братках Вовчик был совершенно уверен. Сам он захватил резиновую дубинку, подвешенную под курткой на специальной петле, и теперь только ждал, чтоб кто-нибудь из этих чувырл сунулся не по правилам. Он ему тогда объяснит, где чья территория.

Однако отморозки пока держались от Вовчика несколько в стороне. Они не то чтоб не лезли в драку, а вроде бы чего-то такого ждали: перетапывались, посапывали, искоса поглядывали на приземистого длиннорукого Котляка. Чего они ждали, стало понятно уже через три минуты. Потому что когда Кабан с Котляком двинулись навстречу друг другу, чтобы начать разговоры, из бокового парадняка,

который почему-то никто проверить не догадался, точно черти из преисподней, высочили четыре здоровенных быка.

Первый сразу же отоварил Кабана железным прутом по кумполу. Прут согнулся и стал похож на недорисованную букву «Г». Кабан громко икнул, но на ногах все-таки устоял. Зато когда второй бык отоварил его таким же прутом по затылку, Кабан закачался, повернулся вокруг себя и шлепнулся на булыжник. Голова его гукнула, будто пустая тыква. И в тот же момент все котляковские отморозки бросились на братков. Двое из них сразу же отрубили Малька и Зиппера. Двое других занялись Нырком, работая по нему резиновыми дубинками. Топорка и Бумбу отрезали и загнали в проход между мусорными бачками. А Забиллу, который умел-таки драться, если его разозлить, подминал крупный бык с прутом и железной цепочкой. Судя по всему, Забилле приходилось несладко.

Самим же Вовчиком занялись те быки, которые сперва вырубил Кабана. Два железных прута почти одновременно опустились ему на голову. Голова у Вовчика зазвенела, но прутья зазвенели еще сильнее. Быки вскрикнули, точно оба ударили по металлу, и от боли в костяшках выронили прутья на булыжник. Тогда Вовчик размахнулся и врзал ближнему быку по челюсти. Бык отлетел и заодно уронил одного из тех, кто размахивал дубинкой перед Нырком. Тогда Вовчик повернулся и вмазал по сопельнику второму быку. Тот попятился, как чумной, и приложился спиной к мусорному бачку. Ноги у него разъехались, он сел и будто о чем-то задумался. А вошедший в раж Вовчик начал работать по остальным. Он замахивался дубинкой и бил в бритый затылок. А потом замахивался еще раз и добавлял уже по ушам. Причем после каждого его удара кто-нибудь падал. Сунулся было Котляк — попало по кумполу и ему. А когда кто-то из отморозков, не сообразивший сдуру, что удача от них отвернулась, завopil, будто псих, и крутанул над головой велосипедной цепочкой, Вовчик, без особых усилий парировав смертельный удар, подтащил к себе этого отморозка, поднял его за грудки и, точно мешок с картошкой, отправил к мусорным бакам. Отморозок, сложившись, влетел точно в отверстие. Захлопнулась крышка, бык, сидевший чуть ниже, вздрогнул и повалился на бок. Драться, оказывается, было уже не с кем. Поле битвы являло собой нагромождение стонущих идиотов. Все они пытались расползтись кто куда. Вовчик стоял среди них, как сказочный исполин. В данной картине было что-то величественное. Даже Кабан, который к этому времени пришел в себя и, пошатываясь, поднялся, стискивая обеими руками затылок, и тот прохрипел потрясенно:

— Ну ты, Вовчик, даешь...

А у Забиллы, вылезшего из-за баков, глаза были круглые от удивления.

Вовчик и сам не понял, как это у него так ловко все получилось. Вроде бы ничего особенного он не делал, и вот те на. И только вечером, уже после празднования этой великой победы, когда ему позвонил Бокий и суховато, по-деловому сказал: — Видите, мы свои условия выполняем, — у него в побаливающей-таки башке что-то забрезжило.

И потому когда Бокий поинтересовался, что он теперь думает о его предложении, Вовчик энергично кивнул и даже потряс в воздухе кулаком.

При этом он чуть не выронил трубку.

Однако не выронил.

— Заметано, — сказал он.

Теперь братки не очень хотели отпускать Вовчика на Багамы. То есть, с одной стороны, им было, конечно, приятно, что именно он, а не кто-нибудь там еще получил такое выгодное предложение. Это поднимало их моральный авторитет. Было о чем потолковать с корешами из смежных точек. Было о чем рассказать девкам, сидя после рабочего дня в «Золотом уголке». Вовчиком братки законно гордились. Но, с другой стороны, не хотелось, пусть даже на время, лишаться

такого испытанного бойца. Вовчик пользовался в районе заслуженной популярностью. Слухи о грандиозном сражении гуляли от Школьного пустыря до проспекта Турбостроителей. Слава его докатилась даже до Кромешного переулка, и барыги с рынка автомобилей теперь, встречаясь с ним, приветственно поднимали палец. Это было признание, уже можно сказать, в городском масштабе. Братки чесали в затылках и пребывали в некоторой растерянности.

Общее мнение через пару дней выразил тот же Забилла.

— Как это отпускать? — спросил он, затачив после работы вечерний стакан. — А кто пока налог с территории собирать будет? А кому разбираться, если на чейндже, значит, какая-нибудь катавасия? А вдруг отморозки эти опять кликнут на стрелку? Мы тут, значит, будем пыхтеть, а он — на песочке греться?

Братки хоть и чувствовали забилловскую неправоту, но отводили глаза. Пыхтеть вместо Вовчика на толчке, конечно, никому не хотелось. Даже Зиппер пискнул что-то вроде того, что он необязанный. А Кабан чесал волосатую грудь и надувал щеки. Зрачки его заплывали веками более, чем обычно. Однако и Вовчик был тоже не совсем пальцем сделанный. Топтаться с Забиллой и, как мелкий фрайер, качать права он, конечно, не стал. Вместо этого выставил локоть, принял вместе со всеми традиционный стакан, зажевал ветчиной, которую притаранила Маракоша, закурил, выпустил из себя мощную струю дыма и лишь потом, оглядев всех по очереди, солидно сказал, что было бы глупо профекать шанс расширить свою территорию. Котляковские вон подмяли уже два рынка в новом районе. А мы что, присыпанные? Где у нас торговая перспектива? На днях придут две цистерны денатурата из Адыгеи. Нет, как хотите, братки, а надо бы посмотреть, что там, на Багамщине.

— Так они и будут покупать твой денатурат, — сказал Забилла. — У них там, небось, мартели всякие и прочая хренота.

Вовчик опять, не поддавшись на провокацию, выдержал паузу.

— Ну, мартель, ну, знаю я этот мартель, — наконец сказал он. — Ну, братки, ну вы рассудите, чтобы подумать. Ну какой нормальный мужик будет покупать мартель за сто долларов? Если он у нас получит точно такой же всего за десять?

— А тару где брать будем? — немедленно поинтересовался Забилла.

— Тару?

— Да.

— Ну что, на Багамах бутылок, на хрен, не насобираем?

Против этого здравого довода не устоял даже Кабан. Ближе к ночи решено было, что Вовчик разведает багамскую ситуацию. Покрутится там, познакомится с местными, прикинет, какие цены. В самом деле, братки, пора бы нам выйти на международный рынок.

В общем, постановили, что отпускают его примерно на месяц. Гетка купила ему роскошные плавки с двумя карманчиками, Маракоша — пляжные тапочки, сплошь разрисованные обезьянами, а капризная Люська — аж три пачки изделий американского производства.

— Ты только с девками поосторожней, там у них сплошной СПИД, — предупредила она. — Через две резинки прошибить может, так что не очень-то балуйся.

— А как же тогда они сами? — оторопело спросил Вовчик.

— А вот так... — И Люська, пользуясь отсутствием Кабана, показала.

— И что, иначе нельзя?

— Рискованно, — объяснила Люська.

— Ну — багамцы, ну — дикий народ, — искренне удивился Вовчик.

Где Багамы находятся, Вовчик не знал, но долетел туда быстро. Он, естественно, взял с собой и после взлета прямо из горла немного поправился. Затем он еще раз основательно поправился после завтрака. А когда отдышался и принял то,

что во второй бутылке осталось, самолет, закладывая над океаном вираж, уже шел на посадку.

Первые впечатления у него были самые благоприятные. В аэропорту Вовчика встретил чрезвычайно вежливый, но очень деловитый молодой человек, представился Борей, поправил почти невесомые дымчатые солнечные очки и объяснил, что покажет ему, где можно устроиться.

Тут же предложил Вовчику какие-то пилюли от запаха.

— Полиция здесь чумная. Решат, что от меня выхлоп — будем разбираться в суде. Надо это нам? — спросил он, усаживаясь за руль открытой машины.

Вовчик кивнул и, прожевав освежающую пилюльку, предложил перейти Боре на «ты». Однако Боря сказал, что обслуживающему персоналу это категорически запрещено.

— Нам не положено, — извинился он, вырвав на светлую, как зеркало, авто-страду.

— А чего?

— Ну, шеф считает, что должна соблюдаться дистанция.

Эта субординация Вовчику очень понравилась. Он всегда уважал, если в коллективе поддерживается рабочая дисциплина. Боря вообще вызывал у него чувство доверия. И потому, поглядывая на глянцевые верхушки пальм вдоль дороги, Вовчик благодушно осведомился, как тут можно было бы потолковать с народом.

— Насчет чего? — после некоторой паузы спросил Боря.

Ну насчет того-этого, — ответил Вовчик туманно.

Он не хотел сразу же раскрывать все свои планы. Боря как человека приличного, наверное, имело бы смысл взять в долю. Пусть себе старается за определенный процент. К тому же живет тут давно, видимо, знает местную обстановку. Но пока предлагать ему что-нибудь было бы преждевременно.

Вовчик просто добавил:

— Ну ты меня понял, да?

Боря опять после паузы наклонил голову.

В общем, договорились, что Вовчик сначала осмотрится здесь несколько дней, немного развеется, поплавает, полежит на пляже, а уж потом Боря сведет его с одним человеком.

— Человек хоть надежный?

— Здесь все люди надежные.

Настроение у Вовчика поднялось на недостижимую высоту.

А уж что касается виллы, то тут он был поражен в самое сердце. Четыре громадных комнаты, пестрота разнообразных циновок, деревянные африканские маски на стенах, туалет, где при желании можно было бы устраивать танцы, квадратная, два на два метра ванна в полу, бар, сверкающий множеством радужных этикеток, бассейн с голубоватой водой, теннисный стол на лужайке, обсаженной какими-то мясистыми ежиками. Причем тут же, неподалеку журчит фонтанчик, и вода по ступенчатому уступу сбегает в сторону моря.

Вовчик был потрясен всем этим великолепием. Вот бы сюда Забиллу, чтобы хрюкал от зависти. Или Маракошу с Геткой — чтоб ахали и хватались за щеки. Или Люську — чтобы не воображала о себе девка хрен знает чего.

Правда, его смутили некоторые ограничения. В частности выяснилось, что он не может снять со своего счета в банке столько, сколько захочет. Тратить ему разрешается только тысячу долларов в день.

— Тысячи вам пока хватит? — проинструктировав, как пользоваться магнитной банковской карточкой, спросил Боря.

Вовчик неопределенно пожал плечами.

— На первое время.

— Если вдруг потребуется большая сумма, вы должны будете получить на нее разрешение.

И кроме того он узнал, что вилла, от которой можно было рехнуться, не принадлежит ему, как Вовчик первоначально предполагал, а всего лишь снята на его имя в аренду. Срок аренды истекает в конце сезона. За это время он должен решить, что будет дальше.

— Подпишете с господином Бокием договор, тогда и оформим, — сказал Боря.

— Ладно, там видно будет, — рассеянно отозвался Вовчик.

О будущем ему пока задумываться не хотелось. Он расправил плечи и вдохнул полной грудью морской теплый воздух. Громко пошлепал себя ладонями по животу, а потом повернулся и указательным пальцем подманил Борю.

Один глаз у него прищурился, а другой, напротив, выпучился, будто у осьминога.

— А как тут, ну, — с этим делом? — особым, хрипловатым голосом спросил он.

Для начала Вовчик отдраил девок прямо на центральной лужайке. Девки оказались веселые и безо всяких капризов кувыркались то так, то этак. Видимо, застоялись среди скучноватой багамской жизни. А одна из них, которую экзотически звали Мальвина, поразила Вовчика тем, что в момент наивысшего напряжения визжала, как поросенок. В добавление она энергично лупила Вовчика по спине и, как будто ей было мало, дрыгала всеми конечностями.

В общем, местный колорит пришелся ему по вкусу.

Перед этим он, правда, поинтересовался, как тут у них насчет СПИДа. Однако хором девки объяснили ему, что для россиянина здешний СПИД не страшнее, чем насморк.

— Зубы он о нас обломает, — сказала девка, которую звали Аманда. — Если ты сюда за СПИДом приехал, можешь не беспокоиться.

Зато как-то не понравилась ему здешняя бормотуха. Этикетки на узких бутылках в баре, ничего не скажешь, были очень красивые. Буквы, как правило, крупные, выпуклые, золотые. Кое-где из-под пробок — печати на тонких шнурочках. Но вот само содержимое оказалось ниже всякого уровня: кисловатая, наверно, подкрашенная водичка, почти без градусов. Такой ведро нужно выхлебать, чтобы появилось нормальное настроение. Вовчик этим обстоятельством был несколько обескуражен. Однако при внимательном обследовании помещений виллы обнаружились-таки в кладовке четыре ящика с водкой. И причем не какой-нибудь, а настоящей, российского производства, в тусклых пластмассовых ящиках, как будто только что из родного универсама. Вовчик сразу же набуровил себе стакан и приободрился.

Далее они все вместе искупались в бассейне. Вовчик окунал девок с башкой, а те орала и брызгали в него солоноватую воду. Воду, впрочем, как выяснилось, можно было набрать и пресную. А потом, расположившись в шезлонгах, немного поговорили насчет здешнего проживания. Девки рассказали Вовчику о разных местных особенностях; на жизнь не жаловались, но в один голос твердили, что — скука здесь смертная. Багамцы все, видимо, тут от солнца, как снулая рыба. А туристы боятся заразы и требуют сегодняшней справки. Обломаешься, знаешь, каждый день бегать в клинику. Ну их на хрен. Не хочут, дураки, пусть ходят голодные.

Между прочим, они не очень советовали Вовчику полагаться на Борю. Деловой-то он деловой, но как-то уж чересчур помешан на бабках. Вилла у него тут тоже имеется, машина какая, видел? А паршивые десять центов просто из унитаза достанет.

— Кожа у него, как у лягушки, мокрая, — сильно скривившись, сказала Мальвина. — Прикасаешься — бр-р-р... Прямо всю тебя передергивает.

Вероятно, чтобы загладить воспоминания, она хлопнула сразу целый фужер. Обе другие девки, впрочем, тоже не задержались.

Вовчик это их сообщение принял к сведению. Значит, с Борей будет не все так просто, как показалось с первого взгляда. Вообще-то ничего страшного, и не так шпандырей приходилось обламывать. Сияло солнце, пальмы подрагивали над головой пышными лохмами. Водка была не просто вкусная, а очень вкусная. Девки — хорошие, гладкие, без разных там закидонов.

Словом, все было по первому классу.

Правда, минут через двадцать приперся на виллу какой-то хмырь в майке и шортах, морда — складками, как у местной ящерицы-игуаны, и буквально с порога начал бухтеть что-то по-иностранныму. То на девок указывал, развалившихся безо всего в шезлонгах, то на высунутое из-за соседних пальм белое двухэтажное здание.

Вовчик никак не мог въехать, чего от него хотят. Предложил хмырю водки, тот с негодованием отказался. Выщелкнул ногтем сигарету из пачки — опять взрыв эмоций. Махнул, мол, пристраивайся — тот аж позеленел от негодования. Наконец Малька, сжалившись, перевела, что, оказывается, хмырь возражает против демонстрации порнографии. Заодно она объяснила, что это слово обозначает. Это значит, когда голых девок драют прямо на публике.

— Нравы тут у них первобытные. Сами не знают, чего хотят... Демократия, — заключила она, презрительно сморщив носик.

— Так я не понял, ему тоже девки нужны? — переспросил Вовчик.

— Ну, он рядом живет — из окна его, значит, как раз все видно. А у него, значит, как раз — жена, две дочки...

— Ну так пусть их тоже зовет, — радушно предложил Вовчик.

Малька мигнула и вдруг запустила в хмыря длинной фразой. Хмырь на секунду окаменел; щеки у него раздулись действительно, как у ящерицы. А затем он быстро залопотал о чем-то, давась словами, и уже в заключение весьма выразительно покрутил у виска пальцем.

В результате Вовчик на него немного обиделся. Он себе тут живет, отдыхает курьезно, никому не мешает. И вдруг нате, пожалуйста, причмокивает какой-то чувырь и ни много ни мало указывает, что он тут, у себя, должен делать. Да пошел он груши околачивать этим самым. Не нравится — не смотри, вон, шторочки свои может задернуть. А если еще и дальше здесь выступать будет, Вовчик его фазенду спалит и на это место пописает. Живи сам и давай жить другим. Ну ты, мужик, меня понял, да? Так он и объяснил хмырю безо всякого перевода. Хмырь, наверное, понял не все, но сразу ушел. А Вовчик, приняв соточку, чтобы успокоить натуру, поставил всех трёх девок на теннисный стол посередине лужайки, подравнял их, чтобы задницами смотрели в нужное направление, и неторопливо отдраил, поглядывая через плечо на темноватые стекла соседа. Поручиться бы он не мог, но, кажется, шторы там раздраженно задернулись. Вовчик тогда удовлетворенно хмыкнул и не хуже, чем Малька, испустил в багамское небо торжествующий вопль.

Если честно, его не очень-то привлекало снова корчаться с девками. Первого раза, когда он отдраил их всех, было вполне достаточно. Однако тут уже дело пошло на принцип. И поэтому Вовчик не остановился, пока не завершил процедуру. Кстати, девкам это удовольствие на столе тоже не слишком понравилось. Мальвина сказала, что у нее все коленки стерлись об этот пластик. Другая девка, представившаяся как Эллочка, заявила, что свержурочные надо бы и оплачивать соответственно. А Аманда, в пылу разборки свержившаяся со стола, ушибла бедро и теперь демонстративно прихрамывала.

Однако даже это не могло испортить Вовчику настроения. Все вокруг было чудесно, а дальше, наверное, пойдет еще лучше. Главное же, поставил на место этого придурковатого чувыря.

Он накинул девкам сверх таксы по стольнику, и они успокоились.

Две последующих недели Вовчик блаженствовал. Вставал он в одиннадцать и сразу же плюхался в теплую солоноватую воду бассейна. Затем шел к завтраку, который девки накрывали прямо на воздухе. За завтраком обсуждались планы на день и вносились необходимые коррективы.

Планы, впрочем, разнообразием не отличались. Большую часть дня Вовчик — вместе с девками, разумеется, — валялся на пляже. Там у него были водные лыжи, которые хранились в специальном сарайчике, доска для виндсерфинга, даже легкая моторная лодка. Само собой — акваланг, ласты с маской, сетка для волейбола.

Всего этого было даже больше, чем нужно.

В волейбол, например, здесь играть было решительно не с кем. Пляж выглядел так, словно человек на земле еще только начинал появляться. Длинная полоска песка и вдоль нее — отдельные, наверное семейные, пары. Девки объяснили, что в этой части острова, в основном, частная собственность. Вот пойдешь на городской пляж, для всех, там яблоку упасть некуда. На хрен тебе компания, идиоты придурочные, говорили они. За то и деньги платят, чтобы рядом никого не было. Тем не менее, погонять до опупения в волейбол не получалось. Не хмыря же этого звать, которому голые девки не нравятся. В результате мячик приходилось бросать только по кругу.

Акваланг, потрогав шланги и вентили, Вовчик отложил в сторону. Не такой он дурак, чтобы по своей воле забираться в опасные морские глубины. А случись там, внизу, что-нибудь, кто его вытащит? По той же самой причине отправилась отдыхать в угол и доска для виндсерфинга. Волны в человеческий рост Вовчика вовсе не привлекали. Хрястнет тебя о песок, потом полгода будешь валяться в больнице. С маской и ластами он попытался было поначалу освоиться, но уже через пару дней признал, что без них ему как-то сподручнее. В маске он все время пытался вдохнуть носом воздух. Что же до ласт — они все время цеплялись краями и только мешали. Оставалось гонять на лыжах, если, конечно, погода этому благоприятствовала, да еще шлепать картами, которые девки купили ему в местной лавочке.

Впрочем, Вовчика такое времяпрепровождение, в общем, устраивало. Солнце, пальмы, песок — что еще требуется белому человеку? По вечерам он обычно сидел с девками в ближнем баре. Стриптиза там не было, зато напитки и закуска давали вполне исправно. К тому же столики обслуживали официантки с такими юбками, что у Вовчика, даже истомленного девками, разгорались глаза. Ничего себе здесь, оказывается, кадры имеются. Ему очень хотелось пригласить официантку к себе на виллу. Малька, однако, предупредила, чтоб он не вздумал хватать их за соблазнительно выступающие детали.

— Это тебе не Россия, запросто упекут, — серьезно сказала она. — Дадут шесть месяцев, штраф — ни один адвокат не отмоет.

— Ну? — спросил Вовчик.

— Называется — «сексуальные домогательства»...

То есть общение с официантками пришлось ограничить бесплотным подмигиванием. Зато связи с местными хлопцами были установлены без всяких усилий. Уже в первое же их ознакомительное посещение бара к ним за столик непременно подсади некие Гаррик и Перрик, — так, во всяком случае, Вовчик их для простоты называл, — чокнулись, полопотали быстро что-то по-своему, а потом предложили на выбор — девочек, порошок или «у мистера Вовтшика есть какие-нибудь другие потребности?» Малька без запинки, как настоящая секретарша, переводила. В общем, разговорились; Вовчик поинтересовался — как тут насчет адыгейского денатурата. Прямо на салфетке нарисовал схему поставки. Хлопцы переглянулись, взяли салфетку, исчезли куда-то минут на сорок, а потом вернулись

довольные, только что не облизываясь от радости, и вальяжный Гаррик, поблескивая перстнем на пальце, сказал, что предложение перспективное. Об адыгейском денатурате на Багамах ходят легенды. Дело, конечно, в цене, и, главное, кто будет обеспечивать всю передаточную цепочку. Деликатно объяснили, что здешнюю полицию они берут на себя, но вот как быть с Россией, у вас там, по слухам, разгул преступности.

— Договоримся, — для солидности набычась, сказал Вовчик.

Гаррик, извиняясь, предупредил, что все местные побаиваются русской мафии.

— А кто мафия? Ну ты пальцем покажи — кто тут мафия? — обиделся Вовчик.

Малька полопотала, и Гаррик прижал ладони к груди, извиняясь.

Прямо на месте они продегустировали захваченный Вовчиком образец товара. Гаррик хлопнул сто грамм и окаменел, наверное, секунд на пятнадцать. У него даже глаза выпучились, как у филина. Но когда он пришел в себя, сказал, что о такой продукции они мечтали долгие годы. Нельзя ли в связи с этим несколько ускорить поставки?

Тут же условились, что в конце месяца Вовчик наладит им пробную партию. Ну так, к примеру, пока литров пятьсот, не больше. И если хорошо разойдется, тогда они будут брать ежемесячно две цистерны.

— Только бабки потом не заматывайте, — предупредил Вовчик.

Гаррик заверил его, что это не в местных традициях.

Начало сотрудничества, таким образом, было положено. Первый успех отметили тем же представительским образцом. А когда образец закончился, перешли на местную бормотуху. В целом она оказалась немного лучше, чем представлялось Вовчику поначалу. Приветливый все-таки был, какой-то человеческий напиток. В результате к себе на виллу Вовчик вернулся только с рассветом. На четвереньках прополз от ворот до мягко подсвеченного бассейна и задремал на лужайке, обняв ствол магнолии.

Сил, чтобы перетащить его в дом, у девок уже не осталось.

Однако всему хорошему рано или поздно приходит конец. Через несколько дней исчезнувший было Бокий без предупреждения явился на виллу, движением черных бровей вымел из дома девок, плеснул себе коньячка, выпил, немного почмокал губами, а затем очень вежливо, но вместе с тем твердо заметил, что авансная часть соглашения скоро заканчивается. Погуляли, как я понимаю, попробовали всяческих удовольствий. Пора бы уже сказать: подписываем мы договор или нет?

— Да я готов, в общем-то... — пожав плечами, отвечивал Вовчик. Про себя он уже решил, что соглашаться так или иначе придется. — Когда? Прямо сейчас?

— Ну, я бы предпочел не откладывать, — сказал Бокий.

Тут же вытащил из «дипломата» большой желтоватый лист, похоже, что из пергамента, и затем — серебряный узкий ножичек с заточенным кончиком. На глазах у заробевшего Вовчика протер его спиртом.

— А если просто чернилами? — Вовчик еще с детства боялся уколов.

— Ничего-ничего, — ободряюще сказал Бокий. — Больно не будет.

Кольнуло подушечку пальца, и выступила на поверхность багровая капля крови. Вовчик подпрыгнул, но Бокий уже подносил ему изящную костяную ручку. Чуть-чуть надавил на палец, чтобы крови стало побольше, и Вовчик бережно, чтобы не смазать, вывел на пергаменте свою незамысловатую подпись.

Затем Бокий попросил его сесть в кресло из белой кожи.

— Ну ты чего это, ты чего? — настороженно спросил Вовчик.

— Такова процедура, — строгим голосом объяснил Бокий. — Я вам плачу казенные деньги, я хочу видеть товар.

Он положил Вовчику ладони на лоб и как-то напрягся. Веки его вдруг обтянули глаза, точно резиновые. Рот сжался в гузку, а уши встали торчком и дрогнули, как у собаки.

Он напрягся еще сильнее и вдруг сказал трудным голосом:

— Не получается.

— Но вилла будет моя? — немедленно переспросил Вовчик.

— При чем тут вилла? Вилла тут при чем? — сдавленно сказал Бокий.

— При том, что — обещано!

— Ах, подожди ты, пожалуйста, с этими пустяками!..

Тогда Вовчик оттолкнул Бокия и поднялся. Пушку он с собой из дома, конечно, побоялся, не прихватил, но еще неделю назад, особым образом перемигнувшись в баре все с тем же Гарриком, получил от него небольшой пистолет и запасную обойму. Причем Гаррик поклялся, что машинка работает, как часы, взял триста долларов и заверил, что ствол этот пока что нигде не числится. В полиции его нет, можешь работать спокойно.

— Кинешь — зарю, — пообещал ему тогда Вовчик.

И хоть говорил он по-русски, а Гаррик — на своем багамском, напоминающем журчание воды по камням, оба они хорошо понимали друг друга.

Теперь Вовчик сунул руку в карман и ощутил гладкий металл.

— Не понял, — сказал он тоном, от которого вздрагивали даже котляковские отморозки. — Мы, Баканя, с тобой договаривались или не договаривались?

— Да кому эта вилла нужна, — плачущим голосом, сморщив лицо, сказал Бокий. — Тут все гораздо хуже. Ведь у тебя там, оказывается, ничего нет.

— Где это «там»?

— Ну, вот тут!.. — Бокий раздраженно ткнул его в область сердца.

— Ты мне лучше скажи: мы договор с тобой уже подписали?

— Ну подписали, ну подписали, все твое будет...

— Тогда ты чего?

— Ах, какой дикий пассаж!.. — простонал Бокий.

— Может, по стопочке?

— Какое фатальное невезение!

— Баканя?

— Отстань!..

Бокий в отчаянии махнул рукой.

Вовчик так, собственно, и не понял, из-за чего он расстраивается.

Ночью Вовчик проснулся от мучительной жажды. Гудела башка, и все тело было точно забито слежавшимися опилками. Ничего себе, оказывается, вчера натютюкались. Газировка на столике у кушетки, конечно, отсутствовала. Чертовы девки, дрыхнут, а человек тут, можно сказать, погибает. Разогнать к такой матери, и денег им, с-сукам, не заплатить!..

На деревянных ногах Вовчик кое-как проковылял на кухню. Газировка, не поместившись во рту, шуршащей пеной хлынула на горло и плечи. Мучительный жар внутри, тем не менее, чуть-чуть рассосался. Светила в окно луна, и глянцевый блеск на пальмах был синего цвета. В ворчании океана чувствовалось что-то неодобрительное. Пора сваливать, вяло подумал Вовчик, прижимая к груди мягкую пластмассовую бутылочку. Неплохо, конечно, здесь, но чё-то все-таки не того...

Он представил себе мелкий дождь, сеющийся на асфальт, окна и стены, родную до слез дежурку, куда братки обычно набивались после работы, Гетку, режущую колбасу, Маракосу, расставляющую стаканчики. Все такое свое, такое привычное, знакомое до последней детали. Нет-нет, точно, братки, пора сваливать.

Взгляд его случайно упал на босые ноги. Ступни, оказывается, округлились и желтоватой костью стали напоминать копыта. Пальцы укоротились и едва высовы-

вались наружу, а тупые квадратные ногти срастались друг с другом. Кисточки шерсти, как у козла, свешивались на пятку. Вовчик топнул, и твердый костяной стук прокатился по кухне. С руками, которые он торопливо поднес к глазам, вроде бы, ничего такого не произошло.

Заразился, ударила ему в голову тупая тревога. Ведь предупреждали братки: не хрюкай там, на Багамах, разную химию. У нас хоть дерьмо подмешивают, зато оно натуральное. А тут напихали всякого, понимаешь, нормальный человек превращается в парнокопытное.

Он чуть не уронил на пол бутылочку с газировкой.

— Ты это чего, пить захотел? — спросила Мальвина, как привидение выросшая в дверном проеме.

Из одежды на ней присутствовали только трусики.

— Да вот... ну того... этого-самого... — неопределенно ответил Вовчик.

Мальвина заметила его округлившиеся, как копыта, ступни. Глаза у нее расширились, а рот приоткрылся, будто для страстного поцелуя.

— Во класс, — сказала она, вдруг обеими руками взяв себя за груди.

Сдавила их и неожиданно перевела глаза выше.

— Ну ты чего, чего? — испуганно спросил Вовчик.

Мальвина точно не могла оторвать глаз.

— Слушай, Вован, а у тебя и все остальное — такое же?..

Живет Вовчик, можно сказать, неплохо. Правда, от ста тысяч, положенных когда-то на его имя в банк, осталась теперь едва одна четверть. Да и та постепенно рассасывается на всякие мелочи. Однако Вовчик за это дело не сильно переживает. Взамен он приобрел лестную славу «непромокаемого быка». Человека, с которым лучше не связываться: себе будет дороже. Братки приглашают его теперь на самые крутые разборки. И какие бы страсти ни разгорались при выяснении тех или иных обстоятельств, чем бы ни клялись и чего бы не требовали стороны, участвующие в конфликте, сколько бы и каких слов ни было при этом произнесено, стоит появиться Вовчику и спокойно сказать: — Ну че вы тут, на хрен, жить не хотите?.. — как накал обстановки с очевидностью ослабевает. Самые крутые бойцы снимают под его давящим взглядом, прячутся в карманы ножи, куда-то исчезают цепочки и прутья. Потому что все уже давно и прочно усвоили: Вовчик базара не любит. Даже котляковские отморозки, на что тупые, обходят его стороной. А ларечная мелкота, еще только ищущая свои подвиги в жизни, почтительно умолкает, если Вовчик появляется на горизонте. Авторитет его по району непререкаем.

Тем более, что и дела у братков идут лучше не надо. Адыгейский денатурат теперь регулярно течет на Багамы. Первые две цистерны, доставленные теплоходом «Народовластие», прошли на ура, и довольный Гаррик уже отписал, что «русский коньяк» становится у них национальным напитком.

Братки подумывают о расширении сбыта.

Копыта же, в которые превратились его ступни, Вовчика не беспокоят. Подумаешь там — копыта; лучше уж с копытами, чем без бабок. Походка враскачку даже придает ему некоторую солидность. Теперь уже издалека можно понять: приближается Вовчик.

Правда, однажды произошел у него странный случай. В переходе под площадью, где тоже находились подведомственные ему ларьки, Вовчик бросил какой-то бабуся стольник одной бумажкой. Захотелось ему, дураку, покрасоваться с новыми девками. А бабуся, застыв на секунду, вдруг сморщилась вся, будто хлебнула уксуса, схватила эту купюру щепотью и выбросила ее на асфальт. Блеснула вспышка, повалил от того места слабый, но едкий дым. В воздухе, прошибая все остальные запахи, повеяло серой. Впрочем, никто из прохожих не обратил на это внимания. Только какой-то очкарик, протискиваясь мимо, сказал: — Дым отечества... — Да

еще дежурный менток, досматривающий этот район, припаял Вовчику штраф «за нарушение правил противопожарного состояния». Пришлось дать ему тоже столько, чтоб отвязался.

А в остальном у Вовчика все более-менее благополучно. Жизнь течет, братки его ценят и уважают как классного специалиста. Бокий с тех пор в его поле зрения больше не появлялся. О каком-то там договоре с ним Вовчик уже и думать забыл. Какой такой договор? Есть у него теперь дела поважнее.

И лишь изредка, например, после какого-нибудь особо удачного проворота, когда братки, сняв навар, пребывают в благостном расположении духа, перед Вовчиком водружают на стол кирпич, конечно, заранее припасенный, и, чтоб в качестве поощрения, набуровливают стакан водяры. Вовчик тогда снисходительно оглядывает всю компанию, медленно снимает ботинок и выставляет под восхищенные взоры коричневое копыто. Пальцы у него на ступне уже совершенно срослись, кожа сошла и обнажила твердое костное уплотнение. Далее Вовчик сгибает и разгибает ногу, чтобы размяться, а потом, точно лошадь, бьет копытом по кирпичу.

Кирпич обычно разлетается вдребезги. Братки аплодируют. А Вовчик натягивает ботинок и, не торопясь, выпивает стакан.

Он, как правило, не закусывает.

Девки с него балдеют.